Писатель и время

Сергей Викулов

ПЕРВЫЕ ВЕРСТЫ

МОСКВА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» 1980

333
В43

Известный советский поэт и публицист Сергей Викулов анализирует в очерках процессы, происходящие в современной вологодской деревне. Автор рассматривает проблемы мелиорации земель, создания животноводческих комплексов, жилищного строительства, рассказывает о тружениках сельского хозяйства.

В $\frac{70302-088}{М\text{-}105(03)80}$ БЗ—97—14—1979 4700000000

ПЕРВЫЕ ВЕРСТЫ

Важно, чтобы все парторганизации и коммунисты села прежде всего сами глубоко осмыслили суть задач аграрной политики партии на современном этапе, пути их решения. Они призваны методами партийного убеждения и коммунистического воспитания вооружить пониманием этих задач миллионы людей, вдохновить их, сосредоточить усилия на воплощении в жизнь намеченной партией программы развития сельского хозяйства. Каждый коммунист должен показывать образец самоотверженного труда, быть умелым организатором, распространителем передового опыта, болеющим душой за общее дело, за создание атмосферы дружной, самоотверженной и творческой работы коллектива. Коммунист не может и не должен проходить мимо случаев нерадивого отношения к делу, он обязан быть нетерпимым к фактам бесхозяйственности, пьянства, прогулов и всех других проступков, порочащих честь и достоинство советского человека.

Из доклада тов. Л. И. Брежнева на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС

Вологодчина...

Самое удивительное на этой земле не болота, не холмы, не многочисленные озера, не синие, со спокойным течением реки, не леса, наконец, а камни... Камни — от огромных валунов, величиной с трактор «Беларусь»,

бесчисленных камней, размером с куриное яйцо, с кулак, с детскую голову, с хорошего поросенка. Ну, а уж те, что поменьше,— не в счет. Они то там, то тут залегают мощными пластами и называются гравием — отличным и главным пока строительным материалом для здешних дорог. Впрочем, видел я и посевы по гравию: не лучшая земля, но другой нет...

Говорят, что камни на здешних полях ледникового происхождения. Я верю в это, как верю в то, что Вселенная бесконечна, но представить как то, так и другое не могу. В самом деле, ближайшие горы за тысячи километров от этих равнинных и — частью — холмистых пространств... Я имею в виду Скандинавские горы. Но ледники, которые (когда-то, почему-то) скатились сюда и, растаяв, оставили «на память» о себе эти подарочки, зародились, как утверждает наука, именно там, в Скандинавии! И поползли на юг, на юго-восток, делая на земле «царапинки», ставшие потом озерами ледникового происхождения, теряя по пути валуны и размолотые, чуть ли не растертые в порошок горные породы, иногда широкими «грядами». Кстати, «гряды», как издавна заметили местные жители, остались не только на суше, среди болот, но и в озерах, и в руслах рек Доводилось мне видеть в Шекснинском районе такую реку. Будто великаны какие мостили валунами дорогу, а она провалилась и стала каменной рекой. Прыгает с камня на камень светлая, как в день творения, вода, рушится бесчисленными водопадами, и если бы не ольха, да не ива, да не черемушник, нависающие над водой, можно было бы подумать, что это не наш русский Север, а Кавказ.

Итак, камни. Те, что в реках, в озерах, не в счет. А вот те, что на полях... Ох, сколько силушки крестьян-

ской и в прошлые века и теперь истрачено на них! И это не просто слова, и не сентиментальный вздох заезжего интеллигента. Тому есть вещественные доказательства — буквально на каждом шагу, в каждом поле. Если это старое поле, на котором полоски отделялись друг от друга межами, то межи эти — можете убедиться — каменные. Пахали на лошадях два соседа свои полоски и, если выпахивали из нижнего пласта очередной камень, тащили его, надрывая пуп, на межу. Но те камни, что издавна покоятся на межах, далеко еще не все, которыми было усыпано поле. Ежели «лешев подарок» был слишком велик, мужик копал возле него яму, да поглубже, чтоб не скоро «отрыгнул», и с помощью лошади да ваги сваливал его в эту яму, то есть в полном смысле хоронил его в землю. Хоронил, да не навечно. «Лешев подарок», в земле не гнил, а промерзшая за зиму, она, потихоньку да помаленьку, вместе с «рогдой» выжимала его опять наружу, и ахал мужик, и опускал в отчаянии руки, видя, как дочиста убранная недавно полоска вновь покрывалась камнями, и волей-неволей начинал верить в старинную легенду, что «земля камни родит».

Убедившись в тщетности своих усилий, он все же не переставал искать выход из столь горестного положения и отчасти находил его. В колхозе «Мир» Белозерского района, чьи земли расположены за Андозером, за длинными километрами бездорожья, я и теперь видел старые полоски, густо уставленные каменными глыбами, в сумерках похожими на фантастические изваяния. Не имея под руками другой земли (кругом болота да «лядины»), мужики пахали эту землю, лавируя меж камнями. И что удивительно, не особенно роптали на них, так как заметили вскоре, что на урожай эти камен-

ные поля не так уж и скупы: камни, оказывается, прогревшись на солнышке, долго потом хранят в себе тепло и, как печки, согревают землю в холодные ночи, а теплая, она быстрей гонит всходы, сокращая вегетационные сроки растений. «Видели бы вы, какая рожь росла у этих камней!» — вспоминали старушки, рассказывая мне о прежнем житье-бытье.

Теперь «у камней» ничего не растет, земля эта заброшена — и не только в колхозе «Мир», а повсеместно в нашем краю,— потому что лошаденки в иных деревнях совсем повывелись, а конного плуга поискать днем с огнем, и, к слову сказать, даже для того, чтобы вспахать свой огород, колхознику прежде надо хорошо побегать в поисках этого «пережитка прошлого», не говоря уж об упряжи.

Вологодчина, как, впрочем, и соседствующие с нею земли, «славится» еще и мелкоконтурностью полей.

И не потому, что лес мешает, — с лесом вологодские мужики научились воевать давно — рубили «подсеки», жгли их, выкорчевывали «коренье», и, как говорится, вся недолга — пахали потом и сеяли, — мешают переувлажненные низины и болота. Веками зарились крестьяне на эти земли, как правило, ровные, с мощным пластом торфа, но подступиться к ним с лопатой да с топором не могли, вынуждены были вновь и вновь кружиться с сохой ли, с плугом ли на увалах, глинистых в большинстве, а вдобавок еще и каменистых.

Правда, кое-где они отваживались-таки занести над болотами лопату, но только при крайней необходимости, и еще тогда, когда этот титанический труд окупался другими природными благами. Так было, я думаю, в знаменитом по Белозерью селе, носившем звонкое и непонятное имя — Мегра. В этом селе мне довелось жить

и учиться в довоенные годы. Стоявшее на берегу Белого озера, а также на обоих берегах впадавшей в озеро реки с тем же названием, село Мегра не имело вокруг себя ни одного сколько-нибудь возвышавшегося над озером холмика — сплошь торфяные болота, поросшие мелким сосняком, и переувлажненные, в ракитнике да осиннике, «лядины». Страшно, наверное, было селиться на такой земле ее первооткрывателям. Но зато рядом было озеро, широкое и рыбное, и река — голубая дорога в глубь лесов, к другим землям и селениям. Озером можно было жить; не случайно, видимо, еще в довоенную пору к его имени добавлялось — «золотое дно», ну, а что касается земли, то с нее много спрашивать и не предполагалось, в огороде что-нибудь нарастет — и ладно.

Но село прибывало, все шире и шире по берегу разбегались его избы, а потом и вверх по реке, и без земли жить стало уже невозможно. А земля, как успели убедиться селяне, хорошо отзывалась на доброту — стоило ее только осушить. Неизвестно, в какие века были здесь прорыты первые канавы, но люди моего поколения застали в мегринских полях широко разветвленную сеть осушительных канав — полуторных (полтора аршина в ширину) между каждой полосой и более широких (магистральных) — между полями. Это была самая настоящая мелиоративная система, хотя она так и не называлась в ту пору.

Каждая весна для колхозников села Мегра начиналась с подчистки старых канав и рытья новых. Выходили все, кто мог держать лопату: ни экскаваторов, ни бульдозеров, ни канавокопателей тогда в колхозе не было... И какой же хлеб рос на этих полях! Рожь — выше человека! Густая — не продерешься. Не случайно

Мегру еще в дореволюционное время называли в народе «второй Украиной»! В голодные годы, рассказывали старики, сюда валом валили из других деревень и сел, чтобы выменять на какую-нибудь бережену вещичку пуд-другой хлеба.

Можно себе представить, что было бы в мегринских полях теперь, когда на помощь колхозам пришла, наконец, мелиоративная техника, способная не только рыть осушительные канавы, но и делать закрытый дренаж. К сожалению, «вторая Украина» в нашем, Белозерском, районе в связи со строительством Волго-Балта была затоплена. Старинное русское село — родина поэта Сергея Орлова — навеки перестало существовать. И мне, конечно, жаль, что Мегры нет. А односельчане жалеют еще и прекрасную, облагороженную усилиями многих поколений землю.

Несколько слов в связи с землей о других сельскохозяйственных угодьях, в частности о лугах и пастбищах. Нетрудно догадаться, что при таком дефиците пахотной земли под луга и пастбища отводились переувлажненные участки, «неудоби», заросшие кустарником, или дальние поймы рек да лесные поляны, до которых, кроме как зимой, по первопутку, и не добраться даже на лошади. Но выкашивались они дочиста. Мужики ревниво следили за тем, чтобы луг не убывал; махая косами, не ленились остановиться и подрубить под корешок любое деревце, которое косе уже не под силу. Не дать зарасти сенокосному лугу — это было заботой каждого. И надо сказать, луга не зарастали. Да оно и понятно: столько было народу, а на сенокос выходили и стар и мал. Траву выкашивали даже там, куда только с косой и можно было пробраться.

Но с годами ручной труд все больше стал вытеснять-

ся механизированным. Появились конные косилки, а потом и тракторные. Там, где раньше «бабы с граблями рядами» ходили по лугу, теперь работал один трактор. А трактору с косилкой продраться меж кустами или залезть в мочажину — несподручно. И все естественные сенокосы год от года стали ужиматься, лес прямо-таки наступал на них и скоро торжествовал полную победу над вековечными лугами.

Впрочем, победа эта объясняется не только неприспособленностью машин к нашим низинам, переувлажненным сенокосам. Главную роль тут сыграло, на мой взгляд, послевоенное безлюдье в деревнях. Не вернулись с войны тысячи и тысячи косарей; оставленные ими на поветях косы так и продолжали ржаветь — взять их в руки было некому. А вдовы солдатские да старики, до изнеможения устав в войну, работать с таким же напряжением и пятый год, и шестой... и десятый уже не могли. Не могли! Как не может работать, например, трактор с «полетевшими» поршнями... Восполнить потерю рабочей силы в деревне машинами страна пока не могла: тысячи городов и сел, сотни заводов, в том числе и выпускавших сельскохозяйственную технику, лежали в развалинах.

Подраставшая молодежь тоже не оставалась в колхозах: слишком уж безрадостной виделась им (да и их матерям — тоже) перспектива на всю жизнь связать себя с землей, одичавшей за эти годы бед и страданий.

Короче, выкашивать травы, особенно на отдаленных лугах, стало некому. Павел Ефимович Блинов, ветеран Великой Отечественной войны, ныне рядовой рабочий откормочного совхоза «Белозерский», сказал мне, показывая через Андозеро, на берегу которого в деревне Устье он живет:

— Хороший сенокос там был. По семьдесят стогов накашивали... Уже после войны. А теперь туда никто даже и не заглядывает.

При таком положении с сенокосами могли ли быть хорошими пастбища? Правда, в цифрах положение с пастбищами выглядело вполне приличным: и заброшенная пашня, и заросшие лесом луга — все включалось теперь в площадь пастбищ. Но отдача от таких пастбищ, как может догадаться читатель, была невелика. Отдаленность от ферм, отсутствие механизированных доильных площадок — все это долго сдерживало рост надоев. Нужно было создавать культурные пастбища...

Да мало ли чего нужно было в ту пору Нечерноземью, его колхозам, его деревням и селам.

Почти четырнадцать тысяч деревень и сел было на Вологодчине еще в пятидесятые годы. И не потому, что вологжане не артельные люди и стремились жить на особинку. Сами природные условия и в первую очередь клочковатость, отдаленность друг от друга удобных для землепашества земель и еще отсутствие дорог диктовали такое расселение. Для патриархального уклада жизни, на коем веками и стояла наша северорусская деревня, такое расселение было вполне нормальным.

Но вот жизнь сделала крутой поворот. Страна взяла курс на индустриализацию и чуть позже — на коллективизацию сельского хозяйства. Для многочисленных строек требовались рабочие руки. И деревня, как главный резерв людских ресурсов, дала их. Тем более что взамен начала получать тракторы и некоторые другие сельскохозяйственные машины (молотилки на конном

приводе, ручные веялки и прочее). Значительная часть молодежи двинулась, кроме того, на учебу.

Затем — война. И новая потеря людей, вынужденная и самая большая, самая горестная!

Но отток людей из деревни, и особенно молодежи, не прекратился и в послевоенные годы, о чем я говорил уже выше.

А тут приспело укрупнение колхозов и совхозов. И те, кто еще жил в деревне, пока в ней было свое правление колхоза и, значит, школа, магазин, клуб,— теперь, лишившись всего этого, тоже снялись с мест и, несмотря на приглашение перевезти свои дома в новый центр колхоза, заколачивали их и уезжали то ли на великие стройки, то ли в города, занимая там всегда вакантные должности дворников и носильщиков на вокзалах. «Уж переезжать — так сразу, без пересадки», — рассуждали люди.

Не удивительно, что некоторые деревни после всего этого опустели — в буквальном смысле: избы, поленницы возле дворов остались, а жителей — ни одного. Есть, правда, и такие селения, где еще теплятся по вечерам два-три окошка на всю улицу,— это остались доживать свой век на родной земле одинокие старушки. Нелегко им приходится: за хлебом, за керосином, за всякой прочей мелочью надо тащиться в центр колхоза, да что сделаешь — другого выхода нет, открывать магазин в такой деревне никто не станет, да и электричество проводить тоже.

В совхозе «Передовой» Вологодского района еще недавно было сто четыре деревни. Сегодня их осталось восемьдесят семь, а по генеральному плану должно остаться три... Не буду приводить других примеров — в каждом хозяйстве почти такое же положение. Ясно,

что при существующей организационной структуре подобная разбросанность людей отрицательно сказывается на производстве.

Таким образом, можно сказать, что сама жизнь выдвинула проблему переселения оставшихся в малых деревнях людей в центры колхозов и совхозов, где теперь должны быть построены и новые жилые дома, и школы, и дома культуры, и магазины, животноводческие и другие хозяйственные помещения.

Стоит ли жалеть, что деревни, в первую очередь отдаленные от «больших» дорог и центров укрупненных колхозов и совхозов, пустеют, что избы сносятся, а место, где они стояли, распахивается и засевается? Ведь непривычно как-то, странно это: была деревня — стало поле. Кое-где лишь одичавшие яблони, рябинки да черемухи напоминают о том, что тут когда-то стояли дома; в домах справлялись свадьбы и поминки, рожали бабы, плясали и пели на «беседах» парни и девки.

Что касается изб, то тут все ясно: они в подавляющем большинстве старые, построены еще до революции, и жалеть их было бы смешно. А вот неплохие еще, кое-где даже новые животноводческие помещения, нерасчетливо построенные в деревнях, оказавшихся вскоре безлюдными, конечно, жаль. О таком случае рассказывал первый секретарь Череповецкого райкома А. И. Шляпкин. «Ошиблись», — признался он. Но «ошибиться» тут мог любой на его месте: начали строить — деревня была, а значит, были и люди, на которых, собственно, руководство и рассчитывало; но пока строили — людей не стало, и скот пришлось перевести в центр, а двор — бросить. Обидно, конечно. Но что сделаешь: жизнь нередко опережает наши расчеты.

Но вернусь к деревням — и к тем, которых уже нет

(из четырнадцати тысяч в пятидесятые годы сейчас в области осталось уже девять тысяч деревень), и к тем, которым предстоит разделить судьбу уже исчезнувших. Жалей не жалей, а время этих деревень прошло. Я бы даже сказал, что они слишком зажились на Вологодчине. На дворе давно другой век — век научно-технической революции, а они все еще стоят, покосившиеся избушки с замшелыми крышами. Пусть исчезают. Давно пора!

Но вот память о деревнях, мне думается, надо бы сохранить. Об этом мне говорили во многих колхозах. Ведь это же страница истории народа! Из многих этих деревень вышли прославленные люди — военачальники, советские и партийные руководители, знаменитые доярки и пахари, заслуженные учителя и врачи, строители... Как сохранить память — нужно подумать. Но сделать это надо обязательно! У любой деревни, даже самой маленькой, есть заслуги перед Россией, перед Отечеством!

Мелкоконтурные, зажатые лесами и болотами и вдобавок засоренные камнями поля; переувлажненные и зарастающие лесом сенокосы; старые, почерневшие от дождей, обезлюдевшие деревни; довольно приличные, нередко сложенные из кирпича, хотя и не полностью механизированные, голов на сто-двести коровники; плохие, в основном гравийные и грунтовые, и потому в распутицу почти непроезжие дороги; острая нехватка рабочей силы, особенно доярок; недостаток техники и минеральных удобрений...

Такой, в общих чертах, подошла Вологодчина — типично нечерноземный, но издревле землепашеский и молочный край Центральной России — к десятой пятилетке.

Подошла, что греха таить, изрядно уставшая, заметно постаревшая, но не с пустыми руками. Даже и в тех нелегких условиях, о которых сказано выше, она не сидела за печкой, работала, увеличивала урожаи, производство продуктов животноводства, доказывая тем самым, что возможности ее, как и всего Нечерноземья, далеко не исчерпаны и сбрасывать сей факт со счетов, по меньшей мере, неразумно.

Колхоз «Родина» Вологодского района, получивший редкую возможность еще до постановления мелиорировать свои земли, заправить их торфонавозными компостами, стал собирать 45—47 центнеров зерновых с гектара. Сортоиспытательный участок в Тотемском районе (заведующая Гладкова А. А.) получил среднегодовой урожай за девятую пятилетку 40 центнеров с гектара.

«Позвольте, — скажет читатель, — да это же и для Кубани даже неплохо! Уж не ошиблись ли вы?»

Нет, не ошибся, уважаемый читатель. Но хочу сделать оговорку: в целом по области урожай, конечно, был значительно ниже: около 15 центнеров с гектара в 1977 году. Но по сравнению с 1965 годом это больше на 6,4 центнера. Все эти примеры красноречиво говорят, что вологодские хлеборобы действительно не топтались на одном месте!

В животноводстве, особенно молочном, тоже был сделан к этому времени немалый шаг вперед — от 1980 килограммов на корову в 1965 году до 2585 киллограммов в 1977 году.

И вот июнь 1978 года. Середина десятой пятилетки. Два с половиной года из пятнадцати, отпущенных по-

становлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР на осуществление программы по Нечерноземью. Очень хочется посмотреть, какие изменения произошли в родных краях за последнее время. Желание это с каждым днем все больше и больше овладевает мной, и наконец, бросив все дела, я начинаю собираться в дорогу.

Звоню в Вологду, сообщаю о своем намерении приехать, побывать хотя бы в некоторых колхозах и совхозах близлежащих районов, в том числе Белозерского — моей родины. Вологда не возражает, но выдвигает встречное предложение — принять участие в двухдневном (15 и 16 июня) семинаре первых секретарей райкомов с выездом в колхозы и совхозы Череповецкого и Кадуйского районов.

Секретарь Белозерского райкома КПСС Юрий Александрович Прилежаев в свою очередь сообщил, что он тоже будет на семинаре, и волей-неволей знакомство с делами района придется отложить на следующую неделю.

Меня такое предложение вполне устраивало, и я согласился. Едва ли представится более удобный случай встречаться сразу со всеми руководителями районов...

В Вологду я приехал на три дня раньше и до начала семинара успел побывать в пяти колхозах и совхозах Вологодского, Грязевецкого и Кирилловского районов.

Затем — семинар. Вместе с райкомовцами в двухдневную поездку отправились секретарь обкома КПСС по сельскому хозяйству С. А. Осминин (он руководил семинаром), заведующий сельхозотделом обкома КПСС М. Ф. Сычев, редактор областной газеты «Красный север» Н. М. Цветков. Передовой опыт, который предстояло изучить секретарям райкомов, предполагалось довести потом через печать до сведения всех работни-

ков сельского хозяйства области. Забегая вперед, скажу, что так то и было.

Специальный автобус с микрофоном и усилителями (что в такой поездке весьма важно) завез участников семинара сначала в колхоз «Делегат» Череповецкого района, затем в совхоз «Мяксинский» и «Политотделец», откуда на межхозяйственный по откорму крупного рогатого скота комплекс «Кадуйский» и в завершение всего — на Череповецкую птицефабрику, одну их трех, входящих в Череповецкое объединение.

На следующей неделе, 19 июня, такой же, по сути дела, семинар, но уже с руководителями колхозов и специалистами — агрономами и зоотехниками, — состоялся в Белозерском районе. Присоединился я и к тому семинару, начав вторую, довольно объемистую записную книжку.

Перелистывая потом страницы этих книжек, испещренные бесконечным количеством цифр, беглыми заметками об увиденном, почти стенографическими записями диалогов, реплик, рассказов об опыте, я долго размышлял, как же все-таки изложить это на бумаге. Может быть, в том же порядке, как это было, с протокольной точностью... Но тогда неизбежны повторы, придется снова и снова возвращаться к проблеме, о которой речь уже шла... Не годится. Надо, решил я, выделить главные проблемы и говорить о каждой в отдельности, привлекая для наглядности примеры из практики всех хозяйств, в которых довелось побывать мне за эти дни.

ЗЕМЛЯ

Первый, и самый главный (и самый радостный!), вывод из увиденного можно, пожалуй, выразить вот этой короткой фразой: земля нечерноземная преображается! На фоне бугорков, которые пахали деды, бугорков, похожих на плешинки в окружении лесов, обязательно с грудами камней на былых межах, новые поля, разработанные мелиораторами с посильной долей участия самих колхозов, кажутся сказкой, захватывающей фантастикой. Хорошо сказал, выражая эти чувства, Г. Н. Пономарев — председатель «Зари» Грязевецкого района:

— Если бы поднялись сейчас наши деды и прадеды и глянули на наши поля — не поверили бы... Сказали бы — не наши это места, мы тут не жили.

Герман Николаевич говорил мне это, показывая уже засеянные поля по сто и более гектаров, а поле, которое будет подготовлено в этом году, раскинется на триста гектаров.

Я вполне разделял восторг Г. Н. Пономарева и не меньше его восхищался сам. Но оказалось, такие площади отнюдь не предел для Вологодчины. На следующий день в колхозе «Коминтерн» Кирилловского района я видел засеянное, с прекрасными всходами поле площадью восемьсот гектаров! А всего в этом колхозе тысяча пятьсот гектаров новых полей, на которых заложен закрытый дренаж и произведено окультуривание почв. Последнее, кстати, для наших земель столь же необходимо, как и регулирование водно-воздушного ре-

жима. С помощью новых бульдозеров буквально стираются с земли кустарник и мелколесье, росшие на низинных местах и на клочки разделявшие поля. Правда, при этом приходится временно жертвовать верхним, гумусным слоем, но при полном комплексе созданных для этой цели машин за четыре-пять лет плодородный слой окультуренного поля можно восстановить. И выручает в этом деле торф, вековые залежи которого имеются в большей части вологодских колхозов.

Непростое, очень трудоемкое это дело — вывозка торфа на поля; нужны экскаваторы, чтобы прорыть канавы и осушить хотя бы верхний пласт торфа; нужны мощные бульдозеры, чтобы сгрудить его в валки, нужны погрузчики; нужны самосвалы или тракторы с прицепными тележками и, наконец, нужны торфоразбрасыватели... Ни одной из этих операций не выполнить вручную, с помощью лопат, будь хоть того больше народу в колхозах... А при нынешнем безлюдье — и тем более.

Правда, во многих передовых хозяйствах в эту длинную производственную цепь включено еще одно звено: торф, прежде чем попасть в поле, перемешивается с навозом и минеральными удобрениями. Иногда, в сухом виде, он используется в качестве подстилки на дворах и уже потом, обогащенным, вывозится на поля.

В совхозе «Политотделец» Череповецкого района и эта работа (назовем ее работой по производству торфонавозных компостов) творчеством механизаторов и сообразительностью чуткого ко всему новому, прогрессивному директора совхоза А. Д. Полежаева механизирована. Для этой цели возле молочного комплекса на 1000 коров забетонирована нужных размеров площадка,

и на ней сооружены тридцатитонные весы. Для компостирования торфа здесь используется не столько навоз, сколько куриный помет, который совхоз вывозит с птицефабрики, расположенной неподалеку.

— Ежедневно смешиваем семьдесят тонн куриного помета, сто тонн торфа и плюс минеральные удобрения,— рассказывал секретарям райкомов А. Д. Полежаев.

— Сколько стоит ваша площадка? — спросил кто-то из секретарей.

— Сто тридцать семь тысяч рублей. Но она уже окупилась многократно. Такая площадка теперь нужна всем. Очень рекомендую.

В том, что площадка эта окупилась, участники семинара смогли убедится тут же, едва отъехали от комплекса. Автобус остановился посреди огромного поля — двести гектаров озимой пшеницы и ячменя. До мелиорации тут были сырые торфяники и непролазный кустарник. Сейчас поле просматривалось насквозь и было похоже на огромную изумрудно-зеленую тарелку. Если бы не закрытый дренаж — не могло быть и речи о том, чтобы землю эту распахать: середина «тарелки» собирала влагу со всех двухсот гектаров и всегда оставалась недоступной не только для тракторов, но даже и для лошади с плугом.

Всходы, несмотря на очередной каприз природы нынешней весной (дождя не было с 23 апреля), были прекрасными.

— Пятьдесят центнеров даст, не меньше! — сказал директор «Политотдельца», показывая на пшеницу. Но кто-то из секретарей, с определенной долей зависти, поправил его:

— Даст все шестьдесят!

Цифры, прямо скажем, непривычные для наших мест.

Хорошо развивались и всходы ячменя. Ячмень, как дружно решили все, обещал сорок центнеров с гектара.

— Вот что такое мелиорация и химизация! — уже в который раз подчеркивал Станислав Александрович Осминин.

Но и в этом не все блага мелиорации. Директор совхоза имени 50-летия Октября Вологодского района Л. Н. Бурцев рассказал мне:

— Десятого мая в эту весну грянул невиданный в такую пору снегопад. Двадцать сантиметров навалило снегу. Растаял — кругом грязища, лужи, а на мелиорированном поле сразу же можно было сеять, влага быстро ушла.

О том, что мелиорированные поля позволяют раньше начать весенний сев, рассказывал мне еще года три назад и председатель колхоза «Родина» Вологодского района, Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов. А это очень и очень важно для Вологодчины. Раньше посеешь — раньше уберешь, до начала затяжных дождей, столь характерных для нашей зоны.

В колхозах, где имеется соответствующая техника, решается и проблема пастбищ. От пастьбы в лесу, на вырубках, на заболоченных лугах колхозы один по одному отказываются. Расчищенные в результате культуртехнических работ площади, как и поля, распахиваются, выравниваются и засеваются травами. Затем площадь разбивается на клетки. Здесь, в каждой клетке поочередно, будет пастись скот. Культурное пастбище.

Не сразу, конечно, затраты на оборудование культурных пастбищ (как и окультуренных полей) окупаются, или, как выразился секретарь Кирилловского рай-

кома КПСС А. И. Притыченко, «начнут приносить отдачу». Пройдет три года, рассказывал он, пока разовьется корневая система сеяных трав, и еще года два, пока земля восстановит гумус... Практически только через пять лет пастбище начнет «работать», а планирующие органы, к сожалению, не понимают иногда этого. Дескать, столько средств выделили вам на мелиорацию и культуртехнические работы, а отдачи — никакой... Хочется сказать этим товарищам: мелиорировать землю, облагородить ее — это ведь не репку посадить: весной посеял, а осенью с помощью мышки выдернул. Не торопитесь! Будет отдача! Обязательно будет! Ведь мы, по сути, три года назад только начали это дело. Вон в республиках Прибалтики — там уже практически все земли облагорожены, я сам видел это, и давно приносят отдачу Так будет и у нас!

Проблема культурных пастбищ особенно остро встала сейчас, в связи со строительством крупных животноводческих комплексов. Скот со двора на сто голов, худо-бедно, можно было пасти и по-старому, в лесах и на лугах, но для комплексов на 800—1200 голов необходимы культурные пастбища! Больше того, культурные пастбища, как показала жизнь, надо было строить даже раньше, чем комплексы, чтобы при переводе в них скота не допустить снижения надоев. К сожалению, в большинстве случаев получилось наоборот: комплекс построен, а культурного пастбища нет.

Возле Белозерска в июне заканчивалось строительство первой очереди (на две тысячи голов) комплекса по откорму крупного рогатого скота. Весь комплекс рассчитан на четыре тысячи голов и на местные корма. Территория вокруг комплекса — торфяники, поросшие старым, но невысоким, как и бывает на переувлажнен-

ных площадях, сосняком и чернолесьем. Они-то, эти торфяники, и должны стать главной кормовой базой строящегося комплекса. По проекту нужно осушить, убрать лес и мелиорировать закрытым дренажем три тысячи двести гектаров торфяников.

Вся мелиоративная техника района сейчас сосредоточена здесь, на участке возле комплекса. Я видел, как она работает. Особенно хорош дренажный экскаватор. Двигаясь согласно натянутой проволоке, он роет на заданную глубину траншею, а рабочий, сидящий в железной коробке-кабине, которая перемещается по готовой уже траншее, укладывает на ее дно керамические трубки, прикрывая стыки трубок, как бумажными салфетками, мягкими квадратиками стекловаты. Он же успевает присыпать их землей...

Красивая, тонкая, я бы даже сказал, ювелирная работа! От того, как будут уложены трубки и особенно прикрыты стыки их, будет зависеть исправность и, значит, долговечность всей системы.

Прорыты уже на этом участке и магистральные канавы. Что удивительно, под верхним гумусным слоем здесь оказался песок, и откосы этих широченных канав размываются дождями. Чтобы этого не происходило, приходится укреплять их дерном, что и делали в тот день рабочие.

Самый мощный трактор «Кировец» с восьмилемешным плугом распахивал и культивировал мелиорированные участки, бульдозеры выравнивали их. Следующая операция — торф: его будут возить в первую очередь на те места, где обнажился песок.

К концу нынешнего года возле Белозерского комплекса будет подготовлено к эксплуатации около 800 гектаров из 3200 по плану. А первая очередь комплекса

вступала в строй уже в июле — августе, причем значительно позже намеченного срока. Едва ли эти 800 гектаров уже теперь сыграют существенную роль в кормовом балансе комплекса. Ведь их еще надо залужить, и т. д., и т. п. — не стану повторяться.

Короче говоря, налицо реальные трудности, которых могло и не быть.

— Да, нелегок наш хлеб, — подытоживая свой рассказ о делах района, сказал однажды Юрий Александрович Прилежаев. И добавил: — Я иногда думаю: чем же занимаются люди в тех местах, где камней-то нет? А мы и до начала сева с ними обнимаемся и после уборки... А тут еще торф... Попробуй перевези землю с места на место. Не вспаши, а именно перевези! И мы перевозим. Выходит, машин-то нам побольше бы следовало продавать, чем тем, кто об этих работах и понятия не имеет. Побольше бы нам и плужных лемехов. На наших закамененных полях они очень легко ломаются и быстро изнашиваются. Смешно сказать, но иногда трактор стоит из-за того, что нет исправного плуга.

Я не мог не согласиться с секретарем райкома. Нечерноземью, начавшему по воле партии настоящую революцию по преобразованию сельскохозяйственного производства, нужна техника. Мелиоративные отряды (ПМК — передвижные механизированные колонны), которыми сейчас располагают районы, к сожалению, пока немногочисленны и маломощны. Руководители районов, видимо, правильно делают, что не распыляют их, сосредоточивают на землях какого-нибудь одного хозяйства, но зато десяткам других хозяйств остается лишь ждать своей очереди. Ждать же некогда...

А то, что на мелиорированных полях хлеба растут отменные, это факт. В колхозе «Заря», уже упоминав-

шемся мною, ячмень на мелиорированных полях дает 40 центнеров с гектара, а средний урожай по колхозу 23 центнера; 45—47 центнеров ячменя с мелиорированного гектара собирает колхоз «Родина». Колхоз «Свобода» Кирилловского района в 1977 году собрал по 30 центнеров с 800 гектаров.

При такой урожайности затраты на мелиорацию быстро окупаются, примерно за пять лет. Значит, овчинка, как говорят, стоит выделки! Правда, при одном условии: если мелиоративная система будет содержаться в порядке. На самотек в этом деле, как показал уже печальный опыт некоторых хозяйств, полагаться нельзя. Это хорошо понял директор совхоза имени 50-летия СССР Бурцев Леонид Николаевич. У него в совхозе создано постоянно действующее звено по уходу за мелиоративной системой и ее ремонту. За звеном закреплена вся необходимая техника, которая может быть отвлечена на другие работы только в том случае, если не занята прямым делом — ремонтом системы.

Разумеется, урожаи, о которых раньше в Вологде и не слышали, обусловлены не одной мелиорацией, а еще и химизацией.

Отрадно, что удобрений Нечерноземье с каждым годом получает все больше и больше. И это — результат политики партии, взявшей курс на химизацию сельскохозяйственного производства. Все новые и новые фабрики удобрений вступают в строй. Город Череповец, известный всей стране как город металлургов, за последние годы стал еще и городом химиков. Удобрения, выпускаемые его заводами, уже можно встретить во всех уголках Вологодчины.

Однако скажем прямо, результат от их применения не везде одинаков. Наибольший эффект удобрения да-

ют там, где их умеют применять. Мастером химизации слывет в области директор совхоза «Мяксинский» А. Ф. Сазонов. И семинар секретарей райкомов не минул это хозяйство. У Сазонова свои, практикой выработанные правила внесения удобрений. Он точно знает, когда, какое, в каком сочетании и на какую глубину нужно внести удобрение. От этого многое зависит. И не удивительно, что совхоз только за счет грамотного внесения удобрений и высокой культуры земледелия добился прекрасных результатов.

А вот что рассказал мне по этому поводу Геннадий Леонтьевич Селезнев — молодой директор совхоза «Коминтерн» Кирилловского района:

— На весь весенний сев каждой бригаде я разработал самый конкретный план-задание: на какое поле какое удобрение внести, норма на гектар, в сколько следов и в какое время... И еще — кто будет выполнять эту работу. Задание было доведено до каждого исполнителя, и принят экзамен по технике внесения удобрений... Результат налицо. Можете посмотреть на наши поля, они не соврут.

И у Селезнева, и у Сазонова удобрения не валяются где попало, в приспособленных помещениях, старых, с протекающими крышами овинах, как это доводилось мне видеть в других колхозах и совхозах, а аккуратно сложены в специально построенных хранилищах.

Между прочим, кто как относится к удобрениям, видно по всходам. Там, где удобрения внесены грамотно и добросовестно, всходы ровные, одинакового цвета на всю ширину поля, и наоборот, если всходы разномастные, пегие — то темно-зеленая полоса, то бледная, как только что из-под снега, — знай, что тут еще не перевелись халтурщики, для которых минеральные

удобрения значат не больше, чем песок или гравий.

Ведь сейчас даже любой бабке понятно, что никакое другое усилие не дает столь весомой прибавки в урожае, как минеральные удобрения. Сохрани их, внеси с умом, аккуратно — и будешь с хлебом. Ан нет, не доходит до некоторых руководителей эта азбучная истина современного земледелия...

ЖИВОТНОВОДСТВО

«План по молоку», «план по мясу», «животноводческий комплекс», «корма», «надои», «привесы» — вот самые популярные сейчас слова у вологжан — от рядового работника животноводства до секретарей райкомов и обкома.

Однако надои в целом по области, несмотря на все старания животноводов, еще и в июне шли с большим минусом по сравнению с тем же периодом прошлого года.

В чем дело?

В том, что зимовка скота опять была трудной: многие хозяйства снова «просчитались» с кормами, а выгон коров на свежую травку задержался: сначала сушь, а потом холода помешали росту трав, кое-где от бескормицы начался падеж, о чем мне написал еще в Москву один мой старый знакомый.

Корма!.. Вечная проблема для животноводства в нашем крае. Корма — не животноводческие помещения в первую очередь — сдерживают рост надоев, хотя за последние два десятка лет они и выросли с 1619 килограммов в 1957 году от коровы до 2585 — в 1977-м.

Решить кормовую проблему для Вологодчины — значит сделать новый шаг в производстве молока. Надои, которые стремятся и должны получать сегодня колхозы и совхозы, на одном силосе не получишь. Нужно сено. Нужен сенаж. Витаминно-травяная мука (или гранулы). Нужны, наконец, концентраты. Ну и летом — культурные пастбища.

Силос теперь закладывают все. Реже в облицованные бетонными плитами траншеи, чаще — просто в землю (глубинным районам «достать» эти плиты невозможно). Вроде бы просто и дешево. Да, но слишком уж велики отходы у этого «земляного» силоса! Кому из нас, кто бывал в сельской местности весной, не доводилось видеть эти черные гниющие отвалы по краям силосных траншей? А в самих траншеях — нефтяного цвета жижу, настоявшуюся опять же на отходах силоса? Никто не считает, сколько тонн драгоценного корма погибает в этих отвалах. И плюс человеческого труда. Считают только вес засилосованной массы, да и то «на глазок».

Удивительно, что отходы эти никого не возмущают, к ним привыкли, более того, их как бы заранее планируют даже. Павел Ефимович Блинов, вернувшись както с силосования, на мой вопрос, много ли «сделали» сегодня, сказал: «Да понавалили порядочно... Яму вот только не почистили... Откачать бы, да чем? Силосуем-то вон где, за озером... Так в жиделягу эту и валили...»

Сокрушался по этому поводу Павел Ефимович. А что делать? Рыть новую яму? И так уже все взгорки перерыты...

А как с витаминной мукой? С гранулами? Массовая заготовка их только налаживается. А корм прекрасный получается. И главное, безо всяких отходов. Все сто процентов в дело! Вместе с секретарями райкомов мне довелось увидеть в совхозе «Мяксинский», как работают эти замечательные агрегаты. Свежая, только что скошенная рожь (специально для этой цели посеянная) на наших глазах превращается в сухую зеленую муку... Один за другим наполнялись ею бумажные мешки. А на Череповецкой птицефабрике такую же траву хорошо отлаженная техника (АВМ-1,5) превращала в спрес-

сованные, тоже совершенно обезвоженные гранулы...

Вот оно, последнее и очень веское слово науки и техники. Чтобы получить сено, нужно солнце, вёдро, а тут — коси в любую погоду... А главное, и мука, и гранулы сохраняют почти все качества свежей травы.

Думаю, что будущее за этими агрегатами. Все дело в том, как скоро промышленность сможет обеспечить ими колхозы. Ну, а колхозы, в свою очередь, — подготовить специалистов для работы на них.

Теперь о животноводческих помещениях. И в этом деле, если сравнивать с пятидесятыми годами, есть прогресс, и немалый. Старые женщины, да и не очень еще старые, хорошо помнят, какими были они, дворы первого послевоенного десятилетия. Никакой механизации... Раздать корм, наносить воды, убрать навоз и, наконец, подоить — все руками... Доярку тех лет можно узнать по рукам — узловатым, тяжелым... И больным... Надо бы памятник поставить этим великим труженицам! Награды, грамоты да пенсии — это лишь малая плата за тот в полном смысле героический труд, которому они отдали всю жизнь.

Не стану более подробно описывать те дворы — я их видел в свое время сотни, — слишком неприглядной получилась бы картина. Скажу только, что порой дело доходило до курьезов. Копился на дворе навоз — убирать не хватало сил. Наконец доходило до того, что коровы начинали уже рогами подпирать потолок. Что делать? Попробовать вывезти навоз? Но сколько же силушки придется положить?! Ведь вся техника-то — две руки да вилы навозные. Нет, не получится. Лучше перенести двор на новое место, а навоз пусть останется тут. Так поступили в моей родной деревне. Да и не только в ней, наверное...

Автопоилки и подвесные дорожки для вывозки навоза, когда они появились, все сочли за великое благо. Ну, а про электродойку — и говорить нечего. Сказка! Близка к решению и проблема уборки навоза — где-то его стали выталкивать по бетонированному центральному проходу бульдозером, где-то установили скребково-ленточные транспортеры, где-то внедрили гидросмыв...

Труд на дворе стал значительно легче. Старые доярки, теперь пенсионерки, глядя на новшества, ахают: «До чего же добро-то!.. Дивья теперь работать!»

Но... меняется техника — меняются и вкусы. Нынешним дояркам и этого мало! Особенно девчатам! Они телевизор смотрят: знают, что почем. Их не устраивает «разорванный» рабочий день — первый раз надо прийти на двор в четыре часа утра, второй — около обеда и третий... Впрочем, не важно, во сколько часов надо прийти в третий раз, важно, что слишком поздно придется возвращаться — в девять, а то и в десять часов, когда уже кино, например, в клубе или по телевизору кончается... А ведь девчатам, чтобы поспеть хотя бы на гулянье или на танцы, надо еще и помыться, и прическу сделать, и переодеться... Дело-то молодое. И не дай бог если парень какой-то, пусть не с упреком, пусть в шутку скажет: «Ах, как приятно силосом от тебя попахивает!» Со стыда сгореть можно!..

Но и это еще не все. Не устраивает девчат еще и грязь на дворе и особенно вокруг двора. Ведь весной и осенью, да и летом, когда пройдут дожди, к большинству наших дворов только на тракторе и можно подъехать. И они подъезжают, тракторы: корм подвозят, транспортируют молоко, убирают навоз... Большая помощь для ферм — тракторы. Но и беда немалая. Земля вокруг

дворов ими буквально вздыблена, тут и колеи глубоченные, и ямы, наполненные грязью... Да если бы только грязью.

— Отпугиваем молодежь от ферм,— имея в виду вышеизложенное, рассказывал мне директор совхоза «Николоторжский» Афанасьев Константин Кириллович. И продолжал: — Комплексы, на которые была сделана ставка в постановлении по Нечерноземью, дело не одного года и не двух, а десятилетий. Однако некоторые горячие головы решили, что со старыми дворами можно уже кончать: разваливаются — и ладно. Но жизнь быстро отрезвила таких «романтиков». У нас в районе на десятую пятилетку было запланировано пять комплексов. С трудом построили один, а на четырех пока поставили крест... Сил не хватает. И все увидели, что старые дворы рано списывать. Теперь нам настойчиво внушают: надо, мол, модернизировать старые дворы. Правильно, надо. Но где взять оборудование? Под старые дворы никакое оборудование не планируется. А нам нужны и автопоилки, и скребковые транспортеры для уборки навоза... Наконец, нужны бетонные плиты для обустройства подъездных путей к фермам и хотя бы небольших площадок у подъездов. Сделай все это, и тогда девчат не надо будет тянуть за рукав на ферму...

Сказал это Константин Кириллович и тяжело вздохнул:

— Сделай... Но как сделать? Подъездные пути не включаются в смету даже при строительстве нового комплекса... Посыпьте, говорят, песочком — и все. Вот уж поистине — «гладко было на бумаге»...

Но это речь о старых дворах. А что на комплексах!

Возьму для примера два молочных комплекса — в колхозе «Заря» и совхозе имени 50-летия СССР. В «За-

ре» заканчивается строительство единственного в своем роде экспериментального поселка. Доярки, обслуживающие комплекс, живут в этом поселке, в благоустроенных, со всеми удобствами квартирах, в двух-трех- и четырехэтажных домах. Культура быта здесь, вполне понятно, выше, чем в деревнях, в которых ни одного такого дома пока не построено. Но ведь культуре быта в поселке должна соответствовать и культура на комплексе. Думаю, что с этим никто не станет спорить.

Вроде бы все так и есть. Комплекс механизирован, имеет «бытовку», в которой и гардероб для смены одежды, и душ с горячей водой... И все-таки, как рассказал мне председатель колхоза Г. Н. Пономарев, молодежь на комплекс не идет. Может быть, заработки низкие? Нет, заработки вполне приличные...

— А во сколько смен работают ваши доярки? — спросил я.

— В одну, — был ответ.

На следующий день я знакомился с молочным комплексом в совхозе имени 50-летия СССР. Леонид Николаевич Бурцев, директор совхоза, рассказал:

— У нас доярки уже десять лет работают в две смены. И ни за что не согласятся теперь перейти на односменку. Убедились: намного удобнее. Наверное, поэтому и проблемы кадров для комплекса у нас нет. Девчата охотно идут доярками. А бывало, уедешь в город на день-два — болит душа, будут подоены коровы или нет. Теперь я не беспокоюсь: что бы ни случилось — на дворе будет порядок.

Директор совхоза «Передовой» Василий Михеевич Махалов нашел другое решение этой проблемы. У него доярки работают по звеньевой системе. В звене — четыре женщины, через три дня одна отдыхает. Каждая

обслуживает по шестьдесят восемь коров. И эта система В. М. Махалову тоже кажется прогрессивной. Во всяком случае, в «Передовом» особых затруднений с подбором доярок тоже нет.

Такая же картина с кадрами на комплексе по откорму крупного рогатого скота «Кадуйский». Об успехах этого комплекса, созданного на базе межхозяйственной кооперации, я расскажу ниже. А сейчас только о кадрах. Комплекс построен недалеко от районного центра, в котором есть, конечно, и средняя школа. Так вот, многие ученики этой школы, побывав не раз на комплексе, ждут не дождутся выпуска из школы, чтобы пойти туда работать. Любопытен и такой факт: заведующая отделом кадров сельхозуправления временно пошла на комплекс, чтобы научить работать молодых, да так полюбила новую работу, что возвращаться на прежнюю уже не захотела. Так и трудится на комплексе мастером-оператором. Заметьте — не телятницей, а мастером-оператором. Руководители района уверяют, что и это немало значит, когда речь идет о профориентации молодежи. «Кем ты работаешь?» — «Мастером-оператором». Звучит!

В тех же хозяйствах, где такие «мелочи», как «разорванный» рабочий день, комплексная механизация, культура на ферме и вокруг фермы, не учитываются, проблема доярок остается одной из самых острых проблем. Не находится замены даже заболевшей работнице. При таком положении трудно планировать не только отпуска дояркам, но даже выходные дни. Неиспользованные отпуска и выходные дни, конечно, оплачиваются, но все равно такое положение нельзя считать терпимым. В Сямженском районе подсчитали как-то, сколько же дней в году работают доярки, и развели руками:

триста пятьдесят! Пятнадцать дней в году и на выходные, н на праздники, и на отпуск...

Услышав такое, можно подивиться трудолюбию сямженских животноводов, но можно и упрекнуть руководителей хозяйств, которые, видимо, забыли, что «на дворе» не обездоленные послевоенные годы, а стремительные семидесятые, отмеченные неслыханными успехами научно-технической революции. Эта революция с головой накрыла своим высоким валом таких руководителей, а они, барахтаясь под ним, живут старыми представлениями о человеке, об уровне его культурных и духовных запросов. Вся их «творческая» мысль направлена лишь на то, как бы «уговорить» какую-то женщину или девчонку пойти дояркой, а не на то, как упорядочить рабочий день на ферме, приблизить его к социальным и культурным запросам людей.

Насколько своевременно увлечение комплексами в условиях Вологодчины, сейчас сказать определенно нельзя. Вопрос этот, видимо, требует изучения. Но те комплексы, которые видел я, особенно молочные, пока не блещут высокими показателями.

В совхозе «Передовой» построен комплекс на 800 коров. Стоимость одного скотоместа в нем обошлась в 3300 рублей. В прошлом году на комплексе надоено по 3146 килограммов от каждой коровы. Это не так уж и плохо. Но комплекс рассчитан на большее. Даже по 3500 килограммов от коровы для него мало. При таком (даже при таком!) надое окупаемость его растянется на 26 лет. Обо всем этом с тревогой рассказывал мне директор совхоза В. М. Махалов.

Ниже ожидавшихся пока надои и на других комплексах.

В чем дело — трудно сказать. Но мне в связи с этим

вспоминается беседа с А. К. Кузнецовым — директором совхоза «Заводской» Новосибирской области. Было это в мае 1978 года, в дни работы выездного секретариата Союза писателей РСФСР. Александр Константинович рассказывал приехавшим к нему писателям:

— Перевели коров на комплекс — удои сразу снизились, хотя корма те же. Что повлияло? Новая, непривычная для животных обстановка. И в первую очередь шум моторов, которого не было на старых дворах. У коровы, выходит, тоже есть своя психология. Некоторые директора, чтобы не завалить окончательно план по молоку, перевели коров обратно на дворы.

Вот такой сюрприз преподнесли комплексы в Новосибирской области.

Когда я рассказал об этом в Вологде, товарищи сказали: вполне могло быть такое. И все же главное при переводе коров на комплекс — это формирование стада. Коровы должны быть примерно равные по продуктивности, потому что на комплексе нагрузка на доярку значительно увеличивается и у нее нет времени следить за каждой коровой.

Кстати, о нагрузке. В «Заводском», по словам А. К. Кузнецова, количество доярок в связи с увеличением нагрузки сократилось. Но зато прибавилось обслуживающего персонала. И в результате как было на одного работающего двенадцать-тринадцать коров, так осталось и теперь. А при таком положении снижение себестоимости молока весьма проблематично. Наверное, все эти «минусы» комплексов в конце концов будут преодолены, но те, кому еще предстоит осваивать новинку, не должны забывать о них.

Заранее, как говорили мне в Вологде, нужно не только стадо формировать, но и готовить кадры. Меха-

низация на комплексах значительно выше, сложнее, и люди, не подготовленные к эксплуатации техники, могут испортить все дело.

Хочу здесь рассказать еще об одном опыте сибирского совхоза «Заводской», на сей раз положительном. Я уже говорил, что для комплексов нужны культурные пастбища. А вот совхоз «Заводской» от пастбищ отказался совсем. Там подсчитали, что может дать земля, используемая под пастбище, если ее засеять, и увидели, что выгоднее все же пустить ее под посевы, а стадо перевести на круглогодичное стойловое содержание.

Так и сделали. Правда, на летние месяцы неподалеку от дворов оборудовали доильные площадки с небольшими загонами для выгула скота. Я видел эти площадки. Здесь все, как и на дворе: электродойка, автопоилки, кормушки... Но вдоль кормушек — бетонные полосы. Деталь, без которой доильные площадки под открытым небом просто немыслимы: коровы потонут в грязи.

И вот результат. Совхоз «Заводской», перейдя на круглогодичное стойловое содержание скота, приплюсовал к посевным площадям за счет бывших пастбищ 1600 гектаров. Урожай с этой площади позволил полностью обеспечить скот кормами. Надой увеличился на 449 килограммов от каждой коровы, в то время как соседний совхоз, продолжающий пользоваться пастбищами, за этот же год снизил надои на 107 килограммов от каждой коровы.

Не знаю, возможен ли такой вариант содержания скота на Вологодчине, но задуматься над ним стоит. Скажу только, что в «Заводском» средний урожай зерновых с гектара не выше, чем на Вологодчине.

Несколько слов об откормочных комплексах. Мне

удалось побывать на двух из них — в совхозах «Кадуйском» и «Дружба».

Комплекс в «Кадуйском» создан на основе межхозяйственной кооперации. Этим он и интересен в первую очередь. И надо сказать, убедительно подтвердил реальность и главное — выгодность этого направления в животноводстве.

Совхозы-пайщики сдают телят на комплекс уже в двадцатидневном возрасте, где дальнейший откорм их идет и в самом деле «по всем правилам науки». В результате увеличились ежесуточные привесы, уменьшился падеж, в 3 раза сократились затраты труда на один центнер привеса (и не удивительно: норма нагрузки на одного основного работника увеличилась с 40 голов до 200), в 2,8 раза уменьшился фонд заработной платы, на 30 процентов сократился расход кормов и как следствие всего этого на шестьдесят семь рублей снизилась себестоимость центнера мяса.

Упитанность бычков стала выше. А за мясо высокого качества государство и платит дороже. За каждый реализованный центнер мяса комплекс получил на сто двадцать рублей больше, чем неспециализированные хозяйства.

Экономическое преимущество межхозяйственного комплекса очевидно! А ведь прошло всего два года с момента его организации.

Вся производственно-хозяйственная деятельность комплекса регламентируется «Общим положением о межхозяйственном предприятии», утвержденным Советом Министров СССР в 1977 году.

В совхозе «Дружба» комплекс рассчитан на откорм 10 тысяч голов крупного рогатого скота. У него показатели еще выше, чем в «Кадуйском». Достаточно ска-

зать, что ежесуточный привес здесь составляет 1 килограмм 55 граммов при проектном в 970 граммов.

Стоимость комплекса — 11 миллионов. Окупаемость — три года.

И что самое важное — предприятие в «Дружбе» работает на собственных, совхозных, грубых и сочных кормах, за счет повышения плодородия земель и рационального размещения кормовых культур, то есть полностью оправдывает свое название — комплекс.

ЖИЛЬЕ И ЛЮДИ

Итак, в землю Нечерноземья — и, значит, в производство зерна; в животноводство — и, значит, в производство молока и мяса — страна вкладывает сейчас большие средства, значительно превышающие те, что вкладывались до сих пор.

Но, отмечая это как важный в истории Нечерноземья шаг, нельзя забывать, что все в конце концов решать будут люди. Можно вооружить армию самой грозной техникой, но если солдаты не готовы обращаться с нею, успеха в сражении не будет. И значит, преображая Нечерноземье, надо ничуть не меньше, а может быть, даже больше вложить в человека. Говоря это, я имею в виду не только денежные вложения, но и всю сумму воспитательных мер — политического, социального, культурного, нравственного плана, мер, способных всколыхнуть душу человека, наполнить ее радостью вдохновенного, глубоко осознанного, творческого труда.

Денежные вложения в человека должны, видимо, реализоваться прежде всего в строительстве жилья. Жилье — та самая печка, от которой, как это стало ясно всем, надо танцевать, решая проблему людей в деревнях и селах Нечерноземья. Об этом совершенно ясно сказал на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев:

«Мы должны сделать более крутой поворот к строительству на селе и улучшению культурно-бытовых условий сельских тружеников».

И далее:

«Сегодня вопрос может стоять только так: об удовлетворении жилищных и бытовых нужд, возросших культурных запросов сельских тружеников руководители хозяйств, партийные комитеты, советские и профсоюзные органы должны проявлять не меньшую заботу, чем о развитии производства».

Не меньшую заботу!.. Ведь всем же ясно: будет жилье — будут в колхозах и совхозах люди. А главное — будут люди молодые, которых так недостает сейчас Нечерноземью.

Давайте вдумаемся: что составляет главную заботу любой семьи, а молодой особенно? Зарплата? Нет, заработать сейчас можно где угодно, только не ленись. Квартира? Да! Верхом счастья считает любая семья получение квартиры! Новоселье празднуется как самый радостный праздник. И правильно! С милым рай и в шалаше, говорит пословица. Верно. Но семью построить можно только в хорошей квартире. Наладить быт, соответствующий современному уровню культуры,— тоже. Наконец, с хорошим настроением прийти на работу можно лишь из хорошей квартиры!

Но квартира для сельской семьи — еще не все. Ей нужно, чтобы там, где она будет жить, был еще и детсад, и особенно школа. Сколько снялось с мест сельских семей только из-за того, что детей уже с четвертого класса (а есть случаи — и с первого) надо определять в интернат — таких-то малышей! Как тут можно говорить о правильном воспитании ребенка, если родители видят его только по выходным дням. Мне могут сказать, что к ребятам в интернатах приставлены воспитатели. Верно, приставлены. Но мать и отца не заменят и десять воспитателей.

Итак, старая деревня, разобщенная, неграмотная, с примитивными культурными запросами, отжила свой век. Об этом я уже писал выше. Рождается новая деревня. И чем скорей она родится такой, какой мы ее представляем, тем скорей поднимется уровень всего сельскохозяйственного производства.

Нельзя не видеть прямой связи между двумя этими явлениями.

Должна ли новая деревня хоть что-нибудь наследовать от старой? На эту тему в последнее десятилетие у нас много говорилось и писалось. Люди, большинство из которых деревню видят только из окна машины, мчащей их на дачу, уверенно отвечали: нет. Опираясь на тезис о стирании существенных различий между городом и деревней, они утверждали, что вместо старой деревни надо строить поселки «городского типа». А городской тип застройки — это многоэтажные и многоквартирные дома. И такие поселки кое-где стали появляться — даже на Вологодчине, правда, поблизости от Вологды и Череповца: помогли мощные строительные организации этих городов. В совхозе «Дружба» я видел три только что возведенных семидесятиквартирных дома, четвертый строится. Так же примерно застраивается центр совхоза имени 50-летия СССР. Первым пример такой застройки показал колхоз «Родина». И не диво: центр этого колхоза находится в деревне Огарково, в двенадцати километрах по асфальту от Вологды... Отдаленные от Вологды и Череповца районы, слава богу, построить пятиэтажные поселки городского типа не успели, вернее, не смогли: не было для этого ни средств, ни строительной базы.

В колхозе «Заря», тоже недалеко от Вологды, последние годы строился и теперь в основном построен

экспериментальный поселок (я уже упоминал о нем). Проектировщики этого поселка, видимо, были из тех, кто отстаивал идею многоэтажной деревни. И вот в центре «Зари», на совершенно новом месте, встали двух-, трех- и четырехэтажные многоквартирные дома — с плоскими крышами («как в Москве!»), с лоджиями... но без хозяйственных помещений! Куда положить картошку, соленья на зиму, где разместить хотя бы кур, не говоря уже о поросенке, овцах, корове...

Жизнь внесла существенную поправку в «экспериментальный» проект. Сейчас на окраине поселка «городского типа» председатель колхоза строит «коммунальный» двор для личных коров. Двор кирпичный в двух уровнях — внизу корова, вверху помещение для сена. Для каждой семьи — бокс. Водогрейка (или кормокухня) общая. Можно представить, каково будет хозяйкам на этой «кухне». Да и ходить к корове за полкилометра, особенно когда вьюжит или дождит, не очень-то приятно...

И все же почти никто не отказывается от строящегося двора: убедились, без личного скота в деревне пока нельзя, хотя и в Вологду, и в Грязевец — районный центр — можно съездить на автобусе.

Любопытная деталь. В совхозе «Дружба», в том самом, где уже три семидесятиквартирных дома, запланировано строительство коттеджей на двух уровнях. «Для специалистов»,— сказал мне директор совхоза Ф. Ф. Шамигулов. Что ж, ничего предосудительного в этом нет. Специалистов надо уважать. И это уважение будет выражено в «Дружбе» предоставлением им более удобных квартир — отдельных коттеджей: можно будет и садик вокруг дома разбить, и грядки вскопать,

и для овощей, заготовленных впрок, место определить. Удобно?

Но почему эти удобства только для специалистов? Разве рабочие совхоза — в основном местные жители — менее крестьяне, чем приехавшие в совхоз специалисты? Почему же они должны жить на пятом этаже, придавленные низким, по-городскому, потолком, взбираться на свой этаж по грязной лестнице (в деревне ведь асфальта пока нет) и видеть не цветы под окном, а стену соседнего блочного дома? И это ведь не на время, а на всю жизнь. И не только им, но и их детям и внукам (надеюсь, новую деревню мы строим надолго, с заглядом вперед).

Но — и это я с удовольствием отмечаю еще раз — многоэтажная застройка в вологодских деревнях все же не стала массовой. В районах, отдаленных от Вологды, колхозы и совхозы, в меру своих возможностей, строят в основном двухквартирные, из деревянного бруса дома. И хотя архитектурно эти дома выглядят, прямо скажем, не очень привлекательно (продолговатое под двухскатной крышей строение с верандами-крылечками на торцах), люди идут в них с радостью: есть возможность устроить свою жизнь на деревенский лад — желание отнюдь не предосудительное и не зазорное для сельского жителя.

Вот это и должна, мне кажется, унаследовать новая деревня от старой.

Хочу поделиться еще одной мыслью в связи с жилищным строительством на селе. Возникла она во время беседы с директором совхоза «Николоторжский» К. К. Афанасьевым.

Я спросил Константина Кирилловича: есть ли желающие построить себе собственный дом по проекту, ко-

торый отвечал бы вкусам современного сельского жителя?

— Желающие,— ответил он,— наверняка есть. Но большинство из них, наверное, желание это считают неосуществимым. Во-первых, в генеральном проекте даже места нет для индивидуальной застройки. («Странно»,— подумал я.) Во-вторых, без найма плотников (их почему-то называют «шабашниками») дом не поставить. А плотничьи артели в наших краях перевелись. В-третьих, достать строительные материалы индивидуальному застройщику (брус, рамы, шифер, цемент) еще труднее, чем совхозу,— ведь жилье совхоз строит так называемым «хозспособом». А при таком «способе» под строительство даже ржавого гвоздя не выделяется. Все надо «достать». Притом вовремя. Потому что по договору с «шабашниками» за каждый день простоя каждому мы обязаны заплатить по двадцать пять рублей. У нас в совхозе работают закарпатцы, в «Передовом» — армяне и грузины... Работают — не ленятся, ничего не скажешь, с пяти утра до десяти вечера... Но ведь приезжие «шабашники» с индивидуальным заказчиком едва ли будут связываться...

— А если бы люди имели возможность купить дом? Готовый? Из деревянного бруса?

— Где?

— Ну, допустим, что в Вологде или Череповце существует такая «фирма», такой домостроительный комбинат. Человек посылает заявку, переводит деньги, а комбинат доставляет дом на место, собирает его и сдает заказчику под ключ. Нашлись бы желающие купить такой дом?

— Бесспорно, нашлись бы...— не колеблясь, ответил К. К. Афанасьев.

Я тоже не сомневаюсь в том, что многие захотели бы купить такой дом. Выгода была бы огромная — и государству, и совхозам. Государству потому, что на жилищное строительство были бы привлечены дополнительные средства — личные сбережения самих селян; для совхоза потому, что село стало бы застраиваться значительно быстрей, чем сейчас, когда все ждут только государственной квартиры, а имеющиеся деньги тратят на машины...

Но давайте спросим семью, купившую «Жигули», но не имеющую удобной квартиры: стала бы она тратиться на машину, если бы существовала возможность купить дом? Уверен, что ответ был бы один: нет, не стала бы. Даже у птиц — сначала гнездо, а уж потом все радости жизни.

В августе, когда писался этот очерк, в «Литературной газете» был опубликован очень интересный материал—беседа З. Ибрагимовой, собственного корреспондента «ЛГ» по Сибири, с генеральным директором производственного объединения «Юганскнефтегаз», лауреатом Государственной премии Романом Ивановичем Кузоваткиным.

Корреспондент напомнила генеральному директору, что десять лет назад на стройку приезжала бригада «ЛГ», и в одном из очерков, опубликованных тогда в газете, она «первой и главной бедой» назвала «острую нехватку жилья».

И вот что сказал по этому поводу Р. И. Кузоваткин:

— Мне кажется, что самый серьезный наш промах связан с капитальным строительством, особенно с жильем. Что, собственно, произошло? Взяли изначально твердый курс на каменное строительство индустриальными методами: и быстрее, и дешевле. Дело в принципе хо-

рошее, но мощной строительной базы не создали, материалы везли издалека и в результате строили гораздо меньше, чем планировали, чем требовалось. При этом наотрез отказались от деревянного строительства. Вокруг лес, а мы тащим камень через болота за сотни и тысячи километров, мучаемся, терпим трудности и лишения, но — из дерева не строим. Крайность? Безусловно. Деревянный дом с хорошей отделкой и всеми удобствами ничуть не уступает каменному, в том числе и в долговечности, а по мнению многих, даже более предпочтителен. За счет деревянного строительства мы могли бы безболезненно решить и многие соцкультбытовские проблемы. Могли бы... Но потеряли десять-одиннадцать лет, и только в этом году ввели деревянное строительство в права гражданства.

...Придется строить новые поселки, отдаленные от базовых городов, и это должны быть хорошие, добротные, традиционно деревянные и в то же время современные сибирские поселки. Если бы в свое время отдали дереву должное, не столкнулись бы сейчас так остро с нехваткой жилья.

Второе заблуждение — индивидуальное строительство считали неперспективным... Лишь недавно произошел переворот и в отношении к индивидуальному строительству: для него выделены специальные территории, разработано несколько типовых проектов, и люди очень охотно и активно берутся строить дома для себя. Если бы мы приняли такое решение десять-двенадцать лет назад!..

Собеседник корреспондента не только признает «промах», но и сожалеет о потерянном времени: «Если бы...» И я подумал: не пришлось бы пережить горечь подобных сожалений и архитектурным стратегам Не-

черноземья, которым грезятся среди его лесов, болот и полей только поселки «городского типа». Уж если деревянное строительство получило «права гражданства» в промышленных поселках, то в колхозных селах ему тем более честь и место!

И все, кто уже давно бьется над этой проблемой, с огромным удовлетворением встретили специальное постановление правительства о строительстве индивидуальных жилых домов на селе. Установлен порядок застройки, предусмотрены льготы для индивидуальных застройщиков. И надо полагать, люди села воспользуются ими.

Индивидуальный дом для крестьянина (не будем стесняться этого слова: «труженик села» не лучший синоним красивого русского слова) с садом-огородом вокруг него выгоден не только с точки зрения быта и экономики, но и с нравственной. Жизнь на пятом этаже, как рассказывали мне об этом, приучает крестьянина к праздности. Он не знает, чем себя занять в свободное после работы время, и тянется... к бутылке. Об этой беде хочется сказать особо.

Действительно, житель села в наше время имеет значительно больше свободного времени, чем, скажем, дореволюционный крестьянин. Мощная техника, которой вооружил рабочий класс колхозы, освободила земледельцев от каторжного труда на полосе, когда все надо было сделать вручную. А если учесть, что в некоторых хозяйствах по вине руководителей они оказались освобожденными и от извечных крестьянских забот о земле и хлебе, то упомянутая тяга к бутылке станет вполне понятной.

К сожалению, торговля спиртным во многих сельских магазинах не только не противостоит столь вредной и опасной тенденции, но даже поощряет ее в полном смысле, идет с нею нога в ногу.

Иной продавец сельского магазина эту самую бутылку готов подать «потребителю» чуть ли не с поклоном. И чем тот больше берет, тем веселей становится продавец: он ведь премию получает за перевыполнение плана товарооборота. А за счет чего перевыполнять-то? Зубные щетки продавать? Иголки? Нитки ходовых номеров? Резиновые сапоги нужных размеров? Кровати-раскладушки?.. Спрашивал эти товары в нескольких магазинах — нет.

Зато водкой продавцы этих магазинов торгуют так: «Берите, берите больше! Завтра ведь я до четырех только работаю».

Беседую с продавщицей Любой в деревне Емельяновской.

— Выполняете план, Люба?

— Выполняю... Вон у меня на стене все по месяцам написано.

— Выходит, перевыполняете даже! — восклицаю я. И шутливо добавляю: — За счет водочки, наверное?

— Конечно...— простодушно соглашается Люба.

— Ну, а сколько процентов примерно за счет нее-то?

— Семьдесят — семьдесят пять...

Порядочно! Но я не удивился. Почти половина магазина была заставлена ящиками с этим товаром. Снаружи — той же архитектуры сооружение, но уже с пустыми бутылками. А и домов-то в деревне осталось наперечет. Правда, магазин стоит на «большой дороге» — редко какой шофер или тракторист не остановится.

Рассказал, как «делает план» Люба, продавщице

в деревне Карл Либкнехт. «И у нас примерно то же»,— не придавая никакого особого значения этому факту, бойко ответила она.

Даже в сенокосную пору выручка от спиртного в этих магазинах не упала. Квас да лимонад пить бы на лугах-то, но они на сельских прилавках такая же редкость, как несгоревшие и упавшие на землю метеориты. И — нечего делать — пьют «красноту», «бормотуху» — так называют в деревне красные, приготовленные из отходов фруктов вина местного производства — и еще алжирские, привезенные из Африки в наливных судах.

Ох, уж эти вина... Шестнадцать, а то и восемнадцать градусов. Цена — рубль две. Дешевка! А «забалдеть» можно. Как тут не соблазниться! «Опять пьешь?» — упрекнет кто-нибудь слабовольного. А он в ответ: «Да я красненького»... «Красненькое» вроде как и не алкоголь — лимонад этакий, цвет у него только другой. «Заборы можно красить»,— угрюмо шутят сами же «забалдевшие». Но что-то не слышно насчет заборов-то...

А вот насчет потребления внутрь, уже не в шутку, а всерьез, врач областной психиатрички сказал: «Почти все психозы на почве алкоголизма случаются у тех, кто постоянно пьет «красненькое», то есть «бормотуху».

Очень меткое словцо подыскал народ для этого невинного зелья. Напьешься — будешь что-то бормотать, но на нормальную человеческую речь это будет очень мало похоже. Ну, а если такое бормотание растянется на месяц, на год, на три?..

Некрепкое, в смысле денег — неразорительное (четыре бутылки вместо одной за 4 рубля 42 копейки), одним словом, невинное это вино на деле является самым коварным, самым губительным для здоровья

человека. И самым **виновным** в распространении пьянства!

Разливают его подростки. Кто-то из строгих родителей ругнет их. А в ответ та же песенка: «Да мы красненького...»

С него же, с «красненького», начинают очередной загул взрослые: «Подумаешь, красненького взяли!..» А после «красненькой» затравки идет уже все подряд, без разбора, не смущают никого ни цена, ни градусы...

Поэтому местное «красненькое» надо бы или прекратить выпускать, или, улучшив его качество, повысить на него цену. Хитрую и самую коварную голову многоглавого «зеленого змия» надо отсечь самым решительным взмахом меча, стоящего на защите здоровья народа!

Люди, живущие в городе, может быть, посчитают мои наблюдения нетипичными для современной колхозной деревни и потому пустячными, мелочными... Если бы так...

Зло, имя которому пьянство — и я говорю это с полной ответственностью,— уже сегодня очень дорого обходится некоторым хозяйствам! Падает производительность труда, снижается качество работы, преждевременно выводится из строя дорогостоящая техника... Наконец, здоровье людей, воспитание детей, культура быта тоже страдают от пьянства. И об этом надо говорить прямо, без ложной стыдливости. Если работники прилавков в погоне за планом, а в конце концов за личной выгодой не стыдятся выставлять крутоплечее стеклянное войско на самых видных местах в магазинах, то мы, работники культуры, не должны стесняться в выборе средств для борьбы с такой, по сути, антигуманной практикой.

Впрочем, необходимость решительной борьбы с пьянством осознали теперь и многие хозяйственные руководители. И это очень хорошо.

Но встает вопрос: как с этим злом бороться? Одними выговорами тут ничего не добьешься. Лекциями, телевизионными передачами на эту тему — тоже: пьяницы на лекции не ходят и телевизионные передачи не смотрят. Им «некогда».

И вот родилась так называемая «балльная система» оценки деловых и моральных качеств каждого работника.

Впервые я услышал о ней в новосибирском совхозе «Заводской» от директора А. К. Кузнецова. Суть ее в следующем. Если человек в течение месяца не допустил никаких нарушений трудовой дисциплины, был безупречен с точки зрения моральных и нравственных норм и дома, и в общественных местах, он получает пять баллов. Таким образом, за год такой рабочий может набрать шестьдесят баллов и получить все начисляемые в конце года премии и надбавки. Тот же, кто придет к концу года с сорока и менее баллами, премий этих и надбавок лишается. Полностью.

«Минусует» баллы специальная комиссия, в составе которой секретарь парткома, председатель месткома, заведующие производствами, передовые рабочие и, конечно, директор. Особенно строго комиссия наказывает за выпивку в рабочее время. Такой факт квалифицируется как невыход на работу, и виновный лишается пяти баллов.

На Вологодчине балльная система тоже хорошо себя зарекомендовала (совхозы имени 50-летия СССР и «Передовой»). Но применяется пока лишь в отдельных хозяйствах. Почему? Оказывается, эффективна эта си-

стема лишь в том хозяйстве, которое работает с прибылями. В Вологодской же области значительная часть хозяйств заканчивает год с убытками. А раз так, то и никаких премий и надбавок в конце года нет и, значит, нет возможности поощрять лучших и наказать пьяниц.

И все-таки, решая такую грандиозную задачу, как преобразование Нечерноземья (сделать-то сколько предстоит!), мне думается, надо продолжать и продолжать поиск новых форм и методов воспитания человека, решительно отбрасывая трафарет, переливание из пустого в порожнее, формализм, все то, что мы делаем, не веря порой и сами в эффективность и полезность делаемого, и, не стесняясь, говорим после друг другу — «для галочки».

Надо с той же энергией и изобретательностью, с какими наши ученые и конструкторы строят новые машины, строить, конструировать душу человека; надо всколыхнуть в человеке самое человечное — чувство чести, достоинства, честности, трудолюбия...

Все большее признание завоевывают безнарядные звенья по выращиванию картофеля. Прекрасно! Звеньевая система дисциплинирует людей, рождает в них чувство ответственности и взаимовыручки. А главное, пробуждает творческий подход к делу, то самое чувство, без которого нельзя представить крестьянина: ведь вся его работа — творческая, а не механическая, ибо она зависит от множества привходящих факторов.

О безнарядных механизированных звеньях все говорят теперь с удовлетворением. Долгий поиск в этом деле принес свои результаты. Огромный эффект дал также ипатовский метод, применяемый механизаторами на уборке зерновых и заготовке кормов.

Думается, что найти столь же действенные формы

можно и в воспитательной работе, а в борьбе с пьянством — обязательно **нужно**! И начинать тут, как подсказывает сама жизнь, надо с воспитания нетерпимости к этому пороку. Развитое социалистическое общество и пьянство — несовместимы. Как человек отряхивает пыль с одежды, так оно должно стряхнуть с себя это недоброе наследие прошедших времен. Необходимость такого жеста хорошо понимали уже деды и отцы, утверждавшие Советскую власть в нашей, революционной стране.

Учитель-пенсионер из Сокольского района рассказывал мне:

— Помню двадцатые годы... Вот уж когда боролись с пьянством у нас в Соколе — так боролись! Чтобы активисту показаться пьяным на народе?!. Что вы! А сесть за стол в религиозный праздник — тем более!.. Признаюсь, согрешил однажды. Пригласили родственники жены из соседней деревни — не смог отказаться. Ладно, сказал, приду... Приду-то приду, а как? Надо, чтобы никто не видел. Так ведь я от леса и до самых огородов через поле ржи по-пластунски пробирался. А в избе, в ожидании меня, и окна занавесили. Во как! И правильно, я считаю. Иначе чуть что — тебе прямо в глаза-то и вмажут: «А сам-то ты... Знаем!»

Теперь, к сожалению, тот боевой настрой в борьбе за трезвость многими из нас утрачен. Поездил я по деревням и убедился, что к нетрезвому человеку у нас утвердилось с коих-то времен примерно такое же отношение, как к человеку с насморком. Чихает, дескать, так что ж такого? Прочихается. Пьяного тракториста облает разве старушка, сокрушаясь над поваленными столбами в изгороди. А чтобы все — нет... Привыкли!

О чем это говорит? О том, что вся наша воспитатель-

ная работа зачастую проходит мимо души человека, как стрела мимо цели. А стрела летит мимо тогда, когда она выпущена неумелой рукой и вялым глазом. Такие мимо цели летящие «стрелы» можно увидеть «в небе» любого хозяйства. Висит в коридоре правления стенгазета — ни одного конкретного факта — выдержки из передовиц, перепечатанные на машинке или переписанные от руки. На дворе июль, а в стенгазете — «Поздравляем с женским днем 8 Марта!». А взгляните на лозунги. Масляной краской на капитально укрепленном щите цитата из какого-нибудь программного документа: не придерешься, годна на все времена года. А в поле весенний сев. Так хотя бы одно живое слово, пословица, относящаяся к этой страдной поре, вроде виденной мною в одном колхозе: «Помни: весенний день год кормит!»

Но ведь для этого надо работать, и не просто работать — искать, творить, пробовать. Гореть! Многое в том направлении мог бы и должен сделать сельсовет, не говоря уже о партийных организациях.

В связи с этим остановлюсь на одном любопытном, на мой взгляд, моменте из работы семинара секретарей райкомов.

В совхозе «Мяксинский» секретари знакомились с «Планом организаторской и массово-политической работы парткома на период заготовки кормов и уборки урожая 1978 года». Все было в этом плане: и сколько надо произвести и продать государству молока и мяса, и сколько заготовить силоса и сенажа, и сколько собрать зерна с гектара, и картофеля, и корнеплодов...

В разделе «Организационные мероприятия» под пунктом 2 значилось: «Подготовить и утвердить рабочий план заготовки кормов и уборки урожая», под пунктом

3: «В первой декаде июня провести совещание с механизаторами об итогах весеннего сева и задачах на период заготовки кормов»...

В разделе «Массово-политическая работа» предусматривалась работа с агитаторами («закрепить агитаторов за звеньями и агрегатами»); оформление наглядной агитации («плакаты, лозунги, стенды, призывающие...»).

Далее в плане шли разделы: «Организация социалистического соревнования» и «Культурно-бытовое обслуживание». В последнем значилось: «Подготовить специальную концертную программу агитбригады», «Организовать своевременный привоз людей, занятых на заготовке кормов и уборке урожая», «Практиковать выездную торговлю предметами первой необходимости»...

На первый взгляд план как план. Действительно, все, что в нем намечено, делать надо. И не только во время «заготовки» и «уборки». Но чего-то в этом плане лично мне не хватало. Перечитал я его на досуге еще раз и понял: не хватало «мероприятий», воспитывающих человека. Агитирующих, призывающих, организующих, требующих было много, а вот воспитывающих... Пожалуй, только одно: «В честь победителей поднимать флаг трудовой славы, вручать передовикам красные флажки, ценные подарки, денежные премии».

Но ведь это касалось только «победителей» и «передовиков». А остальные? Вопрос отнюдь не праздный. Ведь «остальных»-то значительно больше. И среди них есть наверняка и бракоделы, и лодыри, и пьяницы... Почему бы на время этих двух решающих кампаний «заготовки» и «уборки» не запланировать усиление борьбы со всеми проявлениями недисциплинированности, опозданий на работу, прогулов, плохого использо-

вания техники, низкого качества работы и т. д. Например, записать бы: «Каждый случай появления на работе в нетрезвом состоянии обсуждать на бригадном собрании или на партгруппе». Да и торговлю спиртными напитками на это время тоже можно бы регламентировать. Нет, об этом в плане — ни слова. Как будто проблемы пьянства и не существует. Как будто и не было постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом (1972 г.).

Совхоз «Мяксинский» находится в Череповецком районе. А. И. Шляпкин — секретарь райкома этого района, докладывая коллегам о своем районе, честно признал, что с трудовой дисциплиной в колхозах и совхозах пока далеко не идеально. Сто пятьдесят тысяч человеко-дней теряется ежегодно из-за прогулов, связанных в основном с пьянством. Трактор в течение суток простаивает в среднем двенадцать часов. А когда-то не работал только два часа. Коэффициент использования техники, как видно, резко снизился. И над этим фактом составителям плана, по-моему, тоже следовало бы задуматься.

А. И. Шляпкин, человек самокритичный, в своем рассказе о партийной работе в районе отметил и еще один недостаток: секретари парткомов часто занимаются несвойственными для них делами, подменяют хозяйственных руководителей. Хозяйственную работу, сказал он, секретари знают, ведут, а работу с народом — не успевают. Я бы уточнил: работать с народом не умеют. Почему? Не научены, наверное. А ведь это наука, да еще и какая,— работа с людьми-то! И ею надо овладевать так же, как и любой другой наукой.

...Но вернемся снова к проблеме жилья. Как они выглядят, деревенские дома, хотя бы с внешней стороны? И значит, как смотрятся деревня или село в целом? Кому, как не сельсовету и не парткому, задуматься над этим? Деревни на Вологодчине (да и не только здесь), как я уже говорил, пока в основном избяные. А изба — это такое строение, которое может выглядеть и как воронье гнездо, и как сказочный теремок. Так вот, до теремка многим вологодским избам пока очень далеко, хотя в каждой деревне есть свой теремок, а то и не один. Не надо и гадать, «кто в тереме живет» — живут в нем культурные, аккуратные в быту, умеющие ценить красоту и уют люди. Они же, как правило, и примерные труженики.

Существует, по моим наблюдениям, вот такая закономерность: человек, у которого в порядке собственное жилье, не терпит беспорядка и на рабочем месте. И наоборот, живущий в неуюте и грязи дома не замечает этой грязи на производстве и, как правило, работает тоже «грязно», кое-как, с меньшей производительностью, чем другие.

Можно даже сказать: деревенская изба — лицо ее хозяина. И в палисаде у хорошего хозяина, и в огороде — тоже идеальный порядок. Не только картошка, капуста да лук растут, а и яблоньки (причем не дички, как у многих, а культурные, завезенные из плодопитомника), и смородина, и малина, и крыжовник (все эти ягодники на Вологодчине прекрасно плодоносят), и даже пчелки гудят. А почему бы им и не гудеть? Ни сена не просят, ни комбикормов — только и дела-то — домики поставить да мед откачать, а на зиму в омшаник убрать все это хозяйство.

Лет этак двенадцать назад в колхозе «Заря» Шекс-

нинского района председательствовал Д. М. Кузовлев (потом он был избран первым секретарем райкома в этом же районе). Человек молодой, образованный, энергичный, он уже тогда хорошо понимал проблему, о которой я веду сейчас речь. Иду я, помню, по селу, присматриваюсь к аккуратненьким избам и вдруг на одной из них вижу: «Дом образцового содержания». А через две избы — опять та же табличка. Стал расспрашивать Дмитрия Михайловича, что это значит, и вот что услышал в ответ:

— Не только таблички вывешиваем, а еще и премии выдаем. Есть на сей счет решение правления. Неряхи и разгильдяи, конечно, ворчат: за что, дескать? У них и так дома в порядке, а им еще и деньги... Давать надо тому, у кого дом плохой... «А что вы сделали, чтобы ваши дома стали хорошими?» — спрашиваю ворчунов. Ничего. Привыкли к своим хороминам и не замечают, что они им, как говорится, и «не светят, и не греют»! Вот мы и решили раскрыть таким людям глаза.

Подобную работу, я думаю, сейчас мог бы провести каждый сельсовет. Окинуть неравнодушным глазом дома не только снаружи, а и во двор заглянуть, и в сени, и в жилые комнаты. Да и колодцы не забыть, и места для хозяйственных отходов. Это ведь тоже быт. И здоровье к тому же.

Не знаю, согласятся или нет со мною товарищи, работающие в деревне, но мне кажется, что строительство души человека надо начинать с жилья. Это людям ближе всего и понятней, каждого затрагивает. Причем для начала этой работы никаких дополнительных ассигнований не потребуется. На кубометр-другой теса, штаика, на краски — деньги найдутся у каждого. Деревня сейчас не так уж и бедна, как в послевоенное время.

А у колхозов найдутся средства, чтобы подправить улицы и дороги, в том числе внутрихозяйственные, чтобы к любому полю, складу, двору можно было подъехать не только на тракторе, но и на автомашине и комбайне. Такие дороги за последние годы построил колхоз имени Ленина Белозерского района, где председательствует после окончания ветеринарного техникума выросший в замечательного хозяйственника и руководителя Л. М. Богданов. Кстати, и центр колхоза имени Ленина застраивается красиво, хотя и нет в нем пока ни одного кирпичного здания — только двухквартирные, из деревянного бруса дома, но они со вкусом, в разный колер покрашены, обнесены штакетником. Растет у Леонида Михайловича сын, скоро заканчивает десятилетку. И вот что любопытно: никак не хочет расставаться с родным селом. Твердо решил поступать в Молочный институт под Вологдой, с тем чтобы потом вернуться на родину.

Еще более красивое село — центр колхоза «Сигнал» Тотемского района — отстроил В. А. Жданов. Это один из самых старых председателей — двадцать девять лет возглавляет хозяйство. Помню, разговорились мы с ним о застройке села, я приезжал в «Сигнал» лет пятнадцать назад. «Мудро и просто сделана крестьянская изба,— говорил В. А. Жданов,— но ведь, наверное, в чем-то можно ее и усовершенствовать, чтобы и смотрелась более современно, и внутренней планировкой отличалась. А проектов таких нет...»

О строительстве новой, социалистической деревни В. А. Жданов не забывал никогда. Строил новые дома даже в самые трудные годы. И строил не кое-как — со вкусом. И был вот такой случай.

То ли в отпуск, то ли по делам — отлучиться при-

шлось ему как-то раз из колхоза. Вернулся — на краю посада стоит новый дом: перевезли из другой деревни. Перевезли — ладно. Но почему поставили не фасадом на улицу, а боком? Никакого вида! Поогорчался — и решил: надо дело поправить. Подогнал тракторы и с помощью тросов развернул избу «глазами на улицу». Посмотрел — совсем другая картина! Кстати, и хозяин дома остался доволен.

Хорошо застраивается и центр колхоза «Коминтерн» Кирилловского района. Здесь наряду с двухквартирными деревянными домами (уже заселено шестьдесят шесть квартир) поставлено несколько кирпичных, четырехквартирных. И те и другие, по словам председателя, вполне удовлетворяют людей.

Вообще центр колхоза «Коминтерн» сегодня — сплошная строительная площадка. Строится средняя школа на четыреста шестьдесят учащихся со спортивным залом, детский сад на девяносто мест, два четырехквартирных дома в кирпичном исполнении, семь двухквартирных домов из бруса. Кроме того, строятся мастерские, молочный комплекс на тысячу двести коров, четыре доильные площадки (под навес), канализация, водопровод, теплотрасса.

Кто строит? Трест «Вологдасельстрой» и Межколхозстрой. Чуть ли не все наличные силы этих районных организаций сосредоточены здесь. И все-таки этих сил не хватает.

Почти половину объектов колхоз строит хозспособом. Восемь бригад закарпатцев работают сейчас в «Коминтерне». Казалось бы, хорошо. Люди приехали добровольно. У них цель — побольше заработать, причем в возможно короткий срок, у колхоза — построиться, и тоже как можно быстрее, освоив таким образом

отпущенные на строительство средства. Интересы, как нетрудно заметить, совпадают. Причем, как показывает практика, колхозу, а значит, и государству такое строительство обходится значительно дешевле. И значит, есть основания, а точнее, есть прямая выгода *такое* строительство не только финансировать, но и обеспечивать строительными материалами. Ан нет. Ничего не планируется. Начал строиться хозспособом — *доставай* стройматериалы где хочешь. И как хочешь!

Директора совхозов этот способ строительства с горечью называют не хозспособ, а хапспособ. Сумеешь «*хапнуть*» то, что тебе нужно сегодня, закарпатцы, армяне, грузины будут при деле, не сумеешь — будут отдыхать, а денежки им за день простоя платить все равно придется. Л. Н. Бурцев — директор совхоза имени 50-летия СССР сказал: «Вот и мечешься по городским и заводским конторам... И заключаешь всякие сделки. В том числе и с совестью. А сколько времени уходит на это *доставание* (странное и непонятное для нашего планового хозяйства словцо!). Порой о делах совхоза, о хлебе да молоке и подумать некогда».

Геннадий Леонтьевич Селезнев, председатель «Коминтерна», выразился еще образнее: «Сквозь игольное ушко надо пройти, чтобы *достать* что-то... В том числе и запчасти для машин. И ведь *достаем* в конце концов. Выходит, что они есть! Так почему же нельзя их получить законным путем? И как вообще все это понять?»

В голосе Геннадия Леонтьевича вполне понятное возмущение. Думается, что кто-то должен все же рано или поздно дать ответы на его вопросы.

Сама жизнь требует этих ответов!

В связи с проблемой людей в деревне поговорим теперь о специалистах — агрономах, зоотехниках, инженерах, ветеринарных врачах, медиках, учителях... Не так уж и мало сейчас их на селе. В совхозе «Дружба», например, шестьдесят специалистов, в том числе на откормочном комплексе — двадцать один из ста десяти работающих. Довольно солидная прослойка!

А ведь специалист в деревне — это интеллигент, образованный и культурный человек. И, кроме того, как правило, новый человек в деревне — свежая кровь. Ему, приехавшему со стороны, как говорится, все виднее: и хорошее, и плохое. И очень важно, как поведет он себя: или опустится до уровня не столь еще высокой подчас деревенской культуры, или попытается подтянуть ее, хотя бы в чем-то, до своего уровня.

Но среди специалистов, особенно молодых, только что закончивших вузы и получивших направление в хозяйства Нечерноземной зоны, распространены, к сожалению, настроения иного рода.

О них с большой озабоченностью говорил мне первый секретарь Кирилловского райкома КПСС А. И. Притыченко:

— Не закрепляются молодые специалисты в наших хозяйствах. Да и в райцентре — тоже. Упрекнешь — отвечают: «Мы приехали к вам не работать, а отрабатывать». Имеют в виду обязательные три года работы по направлению после института. Ну и «отрабатывают». Полтора года присматриваются к делу, а следующие полтора — подыскивают себе местечко поближе к городу, а то и в городе. Есть у них и еще один аргумент: не обеспечили квартирой. А с квартирами, сами понимаете, до сих пор у нас было очень трудно. Строить начали только теперь. Ну, а молодые специалисты

с нашими затруднениями не хотят считаться. «Нам в институте объяснили,— рассказывают,— если не обеспечат квартирой, уезжайте!» Как видите, заранее выработанная линия поведения. И есть в этом поведении этакое высокомерие перед нами, аборигенами, что ли... Дескать, я вам сделал одолжение — приехал... И будьте добры любить и жаловать. И не понимают того, что одолжение-то прежде сделал ему народ, потому что учился-то он на народные денежки...

Я считаю, что три года работы по направлению после института — мало. Надо пять, а то и семь лет! За пять-семь лет можно хотя бы понять производство, полезное что-то для хозяйства успеть сделать. А так мы всегда будем испытывать дефицит в специалистах.— И тут же добавил:— Надо бы своих ребят учить. Но... наши ребята отсеиваются на конкурсных экзаменах. И не удивительно: сельские школы пока что не дают столь прочных знаний, как городские... База не та. И все-таки надо бы наших, сельских, ребят принимать в институты. Может быть, отдельный конкурс для них устраивать или учитывать рекомендации колхозов и совхозов. Ведь они для своего хозяйства человека выучить хотят. Тем более на колхозную стипендию.

А. И. Шляпкин, секретарь Череповецкого райкома КПСС, на проблему специалистов взглянул и еще с одной стороны. Выступая на семинаре перед коллегами, он сказал: «Надо, и как можно скорее, ставить на руководящие должности специалистов. Практик — хорошо. Но образованный человек на месте бригадира, заведующего фермой — еще лучше. Ведь в ближайшее время мы должны будем собирать по тридцать пять центнеров зерна с гектара и надаивать по пять тысяч килограм-

мов молока от коровы. Без точных научных расчетов этих вершин не взять».

Но выясняется, что специалисты на руководящие должности не идут. Ну, молодые, о которых рассказывал А. И. Притыченко, ладно, у них еще и опыт невелик, а не молодые, вполне зрелые люди? Те почему? Трудностей боятся? В заработке теряют?

Думаю, что в этих вопросах стоит разобраться. Надо сделать так, чтобы специалист (любой!) считал за честь приглашение на руководящую должность. Вот это будет нормально!

Особенно — на должность руководителя среднего звена, где, по сути, решается судьба производства. Да и самому специалисту полезно пройти школу бригадира. Александр Иванович Шляпкин сказал на семинаре по этому поводу: «За специалиста, который хотя бы годик поработал бригадиром, я двух отдам».

Видимо, есть основания для такого вывода у старейшего партийного работника.

Ну, а пока положение с руководящими кадрами среднего звена в области в целом таково. Из 1776 комплексных бригад, имеющихся в колхозах и совхозах, только 745 возглавляются специалистами. А между тем в хозяйствах области специалистов насчитывается более семи тысяч. Значит, у руководства производственными подразделениями находится всего лишь один из десяти. Маловато.

Доводилось слышать мнение, что при сложившемся положении надо учить бригадиров-практиков. Надо... Но учатся заочно в техникумах только полтора процента из них. В зрелые годы, ясно, учиться нелегко. А главное, времени для книг, конспектов, контрольных работ у бригадиров порой просто нет.

В современном сельскохозяйственном производстве есть еще одна специальность — самая распространенная и, пожалуй, самая главная, решающая — это специальность механизатора. Реализовать рекомендации специалиста и указания бригадира дано ему, и никому более. Вспахать, посеять, внести удобрения можно так, а можно и иначе... Все в руках человека, сидящего в кабине трактора или комбайна.

В одном ученом докладе была такая вот мысль: лет этак через десять-двенадцать на одного работающего в сельском хозяйстве нашей страны будет приходиться различной техники на сумму до 40 тысяч рублей.

Прочитал я это и подумал: каким же надежным, каким образованным должен стать этот человек, чтобы можно было доверить ему столь мощный производственный потенциал! Определенная часть нынешних механизаторов, думаю, не подкачает и в то, уже не столь далекое время. Часть, но не все. У одних «грамотешки» не хватит, у других ответственности, дисциплины труда. Да и возраст немалый. Сменить их предстоит тем, кто сейчас сидит еще за партой. Может быть, в школе, а может, уже и в СПТУ.

Что касается школ, то в них обучение ребят сельским профессиям поставлено по-разному. Там, где руководители хозяйств (в первую очередь!) по-настоящему поняли и осознали, что одними уговорами проблему закрепления молодежи на селе не решить, что ребят надо учить профессии механизатора, там эта проблема не является столь острой и неразрешимой, как в других хозяйствах.

Учить, конечно, должна школа, а обеспечить школу всем комплексом сельскохозяйственных машин должен колхоз (совхоз). И не старенькими, до предела изно-

шенными машинами, а новыми. Старый, постоянно останавливающийся трактор (или комбайн) может лишь оттолкнуть подростка от техники, воспитать неприязнь к ней. И наоборот, новый, послушный даже слабой еще руке подростка трактор может зажечь в нем неугасимое влечение к технике, а мечта водить эту технику по полям родного колхоза станет его заветной мечтой.

Пример такого отношения к школе показывает совхоз «Николоторжский» Кирилловского района. Там для школы выделена не только техника, но и земля. Поначалу ребята обрабатывали шестнадцать гектаров совхозного поля, а в нынешнюю весну уже целых сто!

— Все на этом поле ученики делали сами,— рассказывал К. К. Афанасьев — директор совхоза.— Пахали, культивировали, вносили минеральные удобрения. Только посеять мы им не разрешили. Сеял опытный механизатор. Зато убирать будут опять они. Комбайн школе мы дали...

На районных соревнованиях юных пахарей наши ученики девятого класса Надя Петрова и Коля Малафеев заняли первые места. Думаю, что не случайно. В армию наших ребят мы провожаем торжественно, всем совхозом. И они помнят, что их здесь ждут, и с радостью возвращаются... В результате все механизаторы у нас — свои, приезжих нет.

И добавил:

— Большая заслуга во всем этом заместителя директора школы по производственному обучению Евгения Петровича Любопытова.

Несколькими днями позже я побывал в Белозерском СПТУ. Это одно из училищ в области, готовящих механизаторов. За девятнадцать лет своего существова-

ния оно подготовило около пяти тысяч трактористов-машинистов широкого профиля. Таким образом, можно сказать, что Белозерское СПТУ — довольно солидная кузница механизаторских кадров.

Однако условия, в которых работает училище, дают основания предполагать, что качество подготовки этих кадров невысокое. Начнем с того, что училище не имеет своего учебного хозяйства, учащиеся пашут и сеют в колхозе «Строитель коммунизма», но ухода за посевами не ведут. Осенью, правда, они участвуют в уборке... Но нет у них ощущения, что это их урожай, их труды.

Нет у Белозерского СПТУ и учебного полигона... А между тем по уставу на каждого ученика полагается иметь два гектара земли.

Должно училище располагать и хорошо оборудованными классами, и мастерскими, и гаражами. В селе Кубенском, под Вологдой, в городе Кадникове такие же училища все это имеют. Там выстроены целые учебно-производственные комплексы. А в Белозерске ребята учатся в старинном двухэтажном купеческом домике с толстыми кирпичными стенами и маленькими подслеповатыми окнами. Классы в нем — «клетушки», как выразился директор училища Анатолий Иванович Чмутов. И лучшего сравнения, пожалуй, не подберешь.

Сетовал Анатолий Иванович и еще на одно обстоятельство. Школы, по его мнению, не заинтересованы в том, чтобы хорошие ученики после восьмого класса поступали в СПТУ. Любыми способами они стремятся оставить их у себя. А вот тех, которые и учились плохо, и по поведению двойку не раз получали,— тех, пожалуйста, готовы за ручку привести.

— Конечно, учатся у нас и хорошие ребята,— сказал Анатолий Иванович,— с детства влюбленные в технику.

Но так называемых «трудных» ребят больше. Да и не удивительно: есть еще у нас школы, где все восемь лет не то что не учат сельским профессиям, но даже отучают от мысли работать в сельском хозяйстве. На моря— океаны нацеливают, на космос — не меньше.

В летнее время наши учащиеся разъезжаются по своим колхозам, и каждый увозит с собой план производственной практики... Трактор, комбайн, льнокомбайн — все должен испробовать ученик! Ну, а в некоторых хозяйствах суют им вилы в руки — вот и вся техника. Не доверяют! Но зачем, спрашивается, учить тех, на кого нет надежды? Было бы правильно, если бы хозяйства посылали к нам таких ребят, которых хотели бы видеть потом за рулем трактора, комбайна, автомашины. Короче говоря, хочется, чтобы руководители хозяйств с большей заинтересованностью и ответственностью относились к рекомендациям, которые они выдают едущим поступать в СПТУ.

Уезжал я из деревни Карл Либкнехт восемнадцатого августа. Утром на околице, при въезде в деревню, навстречу мне попалась «легковушка» — странная для этих мест машина — «Москвич» с герметически закрывающейся камерой-ящиком сзади кабины. В городах ею пользуются столовые и рестораны для перевозки мяса и других разных продуктов. Деревенский люд метко окрестил необычную для здешних дорог машину «каблуком», и ездит на этом «каблуке» молодой директор совхоза «Белозерский» Алексей Александрович Шутов: другой машины у него нет.

Наслышанный о моем отъезде, он прижал машину к обочине и остановился попрощаться. Оставил руль, вышел из кабины в простеньком, на вид мальчишеском,

костюме и резиновых сапогах-бродних с загнутыми дважды верхами широких голенищ.

Хотя он и улыбнулся, протягивая мне руку, но видно было, что на душе у него скверно: только-только что думал о чем-то неприятном и тяжелом и даже улыбкой не согнал с лица той самой думы.

— Ну как, переправили комбайн-то?— спросил я.

— Переправили... Да что толку?— И махнул рукой.

У совхоза в этом году за Андозером, на землях деревни Веромень, давно всеми оставленной, а два года назад подчистую сгоревшей, шестьдесят гектаров ржи. А дороги туда — никакой. В нынешнее, на редкость дождливое лето (весь июль и половину августа один за другим обрушивались небывалой силы и продолжительности ливни!) — тем более. Думали, думали — и решили забросить комбайн в Веромень через озеро. Купили два железных понтона, соорудили паром, загодя построили на том и другом берегу причалы — комбайн ведь не корова, по трапу не заведешь. Спешили, отрывали на эти работы людей с силосования: только бы успеть, не опоздать к уборке. Затратили на это дело почти тридцать тысяч рублей... Тридцать тысяч только на то, чтобы подогнать комбайн к полю! Зато успели. Комбайн теперь был на том берегу. А рожь все еще стояла неспелая, зерно в колосьях было совсем мягким... Почти на двадцать дней уже затягивалось начало уборки.

Последние три дня погода вроде стала налаживаться: нет-нет да и проглядывало солнышко в разрывах поредевших туч. Правда, бывало такое и раньше... Но неужели и опять обманет небесная канцелярия? И все-таки теплилась в душе надежда: должен быть конец этой напасти!

Хлеб не поспевает — ладно. Но ведь и сена пока нет. Все, что скошено, пошло на силос. Выдался как-то денек — навалились всем скопом на самолучшие травы — нарочно оставляли на сено,— да не тут-то было. Ночью опять ударил дождь, да на целых четверо суток. Потом сметали ту траву в зароды, по старому крестьянскому способу делая прокладки из жердей, чтобы продувало... Но что это за сено? Если не сгорит окончательно в зародах, сгодится, конечно, и такое. Не солому же завозить опять с юга. Но планируемых привесов на таком сене, ясно, не получить — совхоз специализируется на откорме бычков на мясо. А если и зерна не собрать?

Да, было над чем задуматься молодому директору совхоза. Всего год, как принял он это хозяйство. Зоотехник по образованию, Алексей Александрович увлеченно, с молодым задором работал по специальности в колхозе имени Ленина под началом опытного и авторитетного ныне председателя Л. М. Богданова и, ясно же, не собирался оставлять это одно из лучших в районе хозяйство. Но в райкоме сказали: «Надо». Честно признаться, не хотелось, да и страшновато было: такое огромное хозяйство! А кроме того, бездорожье, разбросанность деревень и животноводческих построек, нехватка специалистов...

Но — заверили: «Поможем!» И в райкоме, и в сельхозуправлении, и в тресте. Совхоз специализированный, подчинение двойное — и тресту, и району. Теперь-то он знает, что оно означает на деле, такое подчинение... Просишь какой-нибудь помощи у района, говорят: обращайся в Вологду, в трест, в Кужману (он директор треста). В трест обратишься — отвечают: решай этот вопрос в районе. Потому, наверное, он и ездит до сих пор на «каблуке»... По таким-то дорогам!

Зачастую бывает так: надо прихватить с собой специалиста. Но не посадишь же его в этот ящик — задохнется. Приходится высаживать шофера, самому браться за руль, чтобы освободить место в кабине для пассажира.

— Помогли бы вы нам с машиной-то... О других уж нуждах молчу!..— говорит мне на прощание Алексей Александрович.

— А как? К кому обратиться?

— Может, Кужману позвонить...— раздумчиво говорит он.— Нет, Кужману не надо... Знает... А впрочем, может, и не знает. Привез меня сюда — и больше не бывал. Наверняка, встретимся — не узнает... Вы в Москве земляку нашему позвоните. Очень, говорят, отзывчивый человек...

— Но он же совсем другими делами ведает...— сомневаюсь я.

— Все равно, позвоните... А то ведь я... Вы знаете, я ведь заявление об освобождении подавал.

— Да ну, Алексей Александрович...— Я начал что-то бормотать — нужных слов не находилось. Лишь потом, когда он уехал, пришла утешительная мысль: «Не может быть, Алексей Александрович, что трест ваш настолько немощен и хил, что не сможет выделить вам машины. Особенно сейчас, когда партия и правительство подъем Нечерноземья считают одной из главных и неотложных задач, стоящих перед народом, перед страной».

Июнь—август 1978 *Вологодская область*

ГЛАВНОЕ: ЗАСЛУЖИТЬ ДОВЕРИЕ

Знал я разбитного деревенского мальчишку Колю К. В ту весну, когда я жил у него в доме, он закончил шесть классов и, надо сказать, не блестяще — так, серединка на половинку, с троечками в основном, кроме математики да физкультуры, по которым он получил четыре и пять. Помню, как отец Коли, уже немолодой инвалид войны, огорченный слабыми оценками сына, сказал:

— Ой, Колька, Колька! Спохватишься ужо, да поздно будет. Все ребята в город уедут, а ты, дурачок, так и останешься в деревне.

— И пусть! — дерзко ответил Коля. И не было в его ответе ни страха за себя, ни раскаяния, ни зависти к тем ребятам, которые поедут в город. Ему, как мне показалось, было даже радостно от того, что он и после седьмого класса останется дома и будет также лихо гонять мерина Люшку, упершись широко расставленными ногами в одер телеги, левой рукой натягивая вожжи, а правой, пугая Люшку, бешено, как пропеллер, крутить конец вожжей, чтобы Люшка слышал, а если скосит глаз, и видел, чья берет, и побаивался... А то как же! На Люшке Коля готов был делать любую работу: возить навоз со двора, боронить, трамбовать силосную массу в яме, сгребать сено, усевшись на высоком, пружинящем сиденье конных грабель.

Нравились ему и тракторы. И он не раз уже сиживал рядом с трактористом и прекрасно знал, как переключать скорости.

Да мало ли интересных дел в деревне! Одна рыбалка на Светлом чего стоит! А сколько радости, когда грибы пойдут! Особенно белые! Или рыжики... Ничего он, батька, не понимает. И учительница — тоже. Чуть что: «Не выйдет из тебя, Николай, путного человека. Прямая тебе дорога в колхоз!»

Коля без особенной горечи рассказывал об упреках учительницы: пугает, мол, тоже, а ему ни капельки не страшно. Да и чего ему было бояться! Он в отличие от учительницы и отца совершенно не знал тех трудных лет, которые хорошо помнили они, и память эта не давала им, видимо, от души порадоваться переменам, происшедшим на их глазах, поверить в будущее. Отсюда и советы такие Коле: мол, хочешь себе добра — учись хорошенько и уматывай отсюда куда-нибудь подальше...

Коля, как я уже сказал, всерьез этих советов не принимал, кое-кто из его дружков — тоже, но многие другие ребята и в самом деле после таких разговоров побаивались родной деревни и думали только о том, как бы уехать из нее. Куда — все равно, лишь бы уехать.

И захотелось мне для всех этих ребят, а заодно и для их родителей рассказать об одной вологодской деревне, в облике которой, мне кажется, уже теперь проглядывает будущее наших деревень. А они, наши деревни, будут совсем не такими, какими оставались до сих пор. Маленькие, сплошь деревянные, с беспорядочно разбросанными избушками, эти деревни — наследие старой прадедовской Руси — исчезнут. Вместо них вырастут деревни новые, и будут они отличаться не только внешним обликом, но и новым, современным укладом жизни.

Называется эта деревня Огарково. Старое-престарое название. И до тех пор, пока деревня и сама оставалась старой, с редкими, подгнившими и покосившимися избами, название это не вызывало никаких возражений. Огарково — Огарково и есть. Тем более что в километре от него еще и Погорелово стоит... Теперь же... Впрочем, судите сами.

Вы приехали сюда на автобусе. Кондуктор сказал: «Огарково», и вы спрыгнули на асфальт шоссе. Автобус отошел, и перед вами слева открылось огромное белое здание, а за ним — крыши многоквартирных жилых домов. Первое здание — это клуб. Здесь же, на втором этаже, и правление колхоза «Родина» с малым залом для заседаний, с кабинетами-лабораториями для специалистов, с комнатами для бухгалтерии и прочих служб. Здесь же библиотека с читальным залом, комната бытового обслуживания и парикмахерская.

Не будем ходить по всему зданию. Заглянем только в нижний этаж, в клуб. В зале — аккуратные ряды откидных кресел, красивый занавес, а в вестибюле — просторном и светлом — вдоль всей внутренней стены — яркое красочное панно, искусно выполненное по народным мотивам профессиональными художниками областного города.

Недавно мне довелось увидеть только что построенный кирпичный клуб в колхозе «Заря» Шекснинского района. Хороший клуб. Но такого настроения праздничности, как клуб колхоза «Родина», он не создавал, потому что кисть художника здесь не положила еще ни одного мазка. Секретарь райкома, осматривавший вместе с нами тот клуб, сказал, обращаясь к председателю колхоза:

— Хорошо! Хотя и недешево. И тем не менее надо

не пожалеть последней тысячи на оформление. Церкви, между прочим, расписывались лучшими мастерами кисти... Отсюда делайте вывод.

Михаил Григорьевич Лобытов — председатель колхоза «Родина» «последней» тысячи не пожалел, хотя в общем-то и слывет человеком прижимистым. Он, видимо, понимал, что красота, уют, а значит, и хорошее настроение — дороже денег.

Новая деревня Огарково начинается в трехстах метрах от шоссе, и к ней тоже проложен асфальт. Начинается она четырьмя многоквартирными домами. В них пятьдесят шесть семей. В прежнее время тут двумя посадами вытянулась бы немаленькая улица в пятьдесят шесть бревенчатых изб, подобных тем, что стоят чуть подальше. Кстати, с этих бревенчатых изб и началось лет десять тому назад новое Огарково.

Тогда колхоз «Родина», был, как и многие другие, еще не богат, и у его председателя М. Г. Лобытова — вчерашнего председателя Вологодского райисполкома в достатке было только энтузиазма да еще мечты, фантазии. Мечты он решил приберечь для лучших времен, а энтузиазм направил на строительство вот этих изб, в надежде, что пустовать они не будут. Так оно и вышло.

Сейчас два конца одной и той же улицы — один избяной, одноэтажный, и другой — кирпичный, двухэтажный — являют собой как бы наглядную диаграмму роста экономики колхоза. Но самое отрадное в том, что кирпичный конец улицы еще далеко не завершен: к четырем его домам скоро пристроятся еще четыре таких же, а чуть в сторонке — встанут школа-десятилетка, детсад и даже больница на 25 коек!

Ближе к клубу стоит еще один кирпичный двухэтаж-

ный дом, вернее, коттедж на две квартиры. Построен он был как пробный раньше, чем эти многоквартирные дома. Одну из квартир в коттедже занимает семья лучшего в колхозе комбайнера Владимира Петрова. Квартира неплохая: внизу — кухня, столовая, вверху — три комнаты, и Петрову она нравится. М. Г. Лобытов считает, что выгодней все же строить дома в два этажа. Двухэтажные дома (не выше!) наиболее подходящи для нового поселка: в этом случае вполне достаточно подвального помещения, чтобы каждой семье выделить не очень тесную кладовую (без кладовых деревенским жителям не обойтись — им негде хранить картофель и прочие запасы, сделанные на зиму). Далее, со второго этажа не так уж трудно спуститься вниз с пойлом для коровы. Кстати, для скота и хранения сена на приличном расстоянии от домов построено «особое помещение» — все шестнадцать коров под одной крышей.

Огород — тоже недалеко, и тоже коллективный, за одним забором. Чтобы он не был слишком большим, картошку в огороде не садят: для нее выделено поле, общее для всех. В огородах только овощи и ягодные кусты.

Но давайте заглянем хотя бы в одну квартиру в новом доме. Вот в эту, например, на втором этаже.

Дверь нам открывает хозяйка Надежда Витальевна Корягина. Сама она работает в животноводстве, а муж Валентин Павлович — шофером. Мы еще не знаем, сколько они зарабатывают, но, окинув взглядом одну из двух комнат, догадываемся: зарабатывают неплохо. В комнате вполне современная мебель: буфет, шифоньер, кровать-диван, стулья... В переднем углу — телевизор «Рубин», на стене большой ковер. Как это не похоже на обстановку прежних крестьянских изб! Да что

прежних! Такую обстановку нельзя было представить в избе колхозника еще и десять лет назад!

М. Г. Лобытов по этому поводу рассказал мне:

— Если раньше, когда я сюда пришел, люди свою бедность напоказ выставляли — вот-де, мол, до чего дожили!— то теперь, наоборот, бедности стыдятся. И в самом деле, теперь только у самого беспутного нет в доме приличной обстановки. Почти каждый, переезжая в новую квартиру, выбрасывает весь старый хлам и покупает новую мебель, минимум на семьсот и даже на тысячу рублей. Сбережения на этот случай есть у всех. Да и не только на этот случай. Володя Петров вон даже «Волгу» купил!

Да, Владимир Петров стал первым в «Родине» владельцем личной машины. Машины — не какого-нибудь тарантаса, на котором ездил в этих местах до революции барин!

Володя еще молод, ему около тридцати, у него веселый характер. На мой вопрос, для чего он купил «Волгу», ответил:

— Для того, чтобы и все остальные думали о «Волге», а не о водке.

Это была, конечно, шутка, однако шутка не без смысла. Дело в том, что кое-кто буквально ахнул от удивления, узнав, что Петров купил «Волгу», а кое-кто, наверное, и позавидовал... А Владимир своей шуткой хотел сказать, что ни для удивления, ни для зависти причин нет. И в самом деле, чему удивляться? Разве он плохо работал? Много гулял?

Ни единой поломки за весь сезон, ни одного часа простоя из-за неисправности комбайна — вот как он работал! Владимир Петров может сидеть за рулем и трактора, но больше всего он любит комбайн. Не потому,

что на нем легче работать — скорей наоборот,— а потому, что очень уж веселую и очень уж весомую работу он выполняет: убирает хлеб! А к хлебу у В. Петрова особое уважение: хлеб — это жизнь! Вот и выходит, что убирать хлеб — это творить жизнь! Сколько уж лет подряд занят он этой работой, а она все равно не буднями к нему, а праздником!

— Привык уж, казалось бы,— рассказывал сам Владимир.— Чего волноваться? А все равно — как тронусь в поле, волнуюсь. Как-то пойдет дело? Не подведет ли машина? И чем гуще хлеба — тем больше азарта. И никакой усталости не чувствую тогда! Жаль, что площадей в бригаде маловато: шестьсот гектаров на три комбайна. Успел только двести пятьдесят смахнуть — и убирать больше нечего.

«Только двести пятьдесят...» — сказал Владимир. А я представил себе это полюшко-поле и женщин с серпами на нем... Ах, сколько пришлось бы им понагибаться, чтобы сжать, связать хлеб в снопы, уложить в суслоны! Нет, не маленькую работу сделал ты, Владимир, и в это лето! А потому — катайся на «Волге» — ты это заслужил, как заслужил и вполне комфортабельную квартиру, которую тебе построил колхоз.

Первое мое знакомство с М. Г. Лобытовым состоялось ранней весной 1964 года. Клуб тогда еще строился, и правление колхоза размещалось в обычной избе в деревне Погорелово. До начала партийного собрания, на которое мы приехали тогда с секретарем Вологодского райкома партии В. А. Грибановым, оставалось еще более часа, и между нами сама собой завязалась беседа.

Михаил Григорьевич, посетовав на то, что строительство клуба затянулось («подрядчики — городские

строители: чуть что — снимаются, и на свои объекты»), тем не менее с уверенностью сказал:

— Здесь, между Огарковом и Погореловом, мы построим новое село — хозяйственный центр колхоза, сселим сюда более двадцати деревень. Жить так, как мы жили до сих пор — мелкими деревушками и хуторками,— значит, никогда не выбраться из нищеты и темноты. А о стирании существенных различий между городом и деревней в этом случае и говорить нечего. В новом поселке или, точнее, в агрогороде люди будут чувствовать себя именно как в городе: в квартирах — все удобства, рядом — прекрасный клуб, столовая, баня. Разбросанность деревень — это наследие старины, старого уклада жизни, соответствовавшего единоличному владению землей. Теперь мы землю обрабатываем сообща, а значит, и жить должны вместе. Это выгодно со всех точек зрения, в том числе и с точки зрения организации производства. Как мы работаем сейчас? Вот пример. Есть у нас сенокос на Присухонской низине. Наступает время — надо косить. Говорю бригадирам: выделить от каждой бригады по столько-то человек. Медлят. Друг на друга оглядываются: люди-то нужны и дома... Пока соберутся, уедут — глядишь, лучшее время и упустили: дожди начались. А жили бы все в одном месте — раз! Машины подал — и двинул туда человек полсотни.

Я перебил:

— Но, говорят, что у вас нет недостатка в рабочей силе?

— Да, людей у нас хватает,— ответил Михаил Григорьевич.— В три, четыре раза больше, чем их было в 1954 году...

— Интересно, откуда пришли к вам люди?

— Отовсюду. В том числе и из города. Недавно приняли, например, шофера с автобазы... А почему бы и не прийти людям из города? Ведь иной приткнулся там, а у него, бедного, ни квартиры, ни заработка. И хоть числится он городским, а душа-то его в деревне. Ему и сны деревенские снятся: то сенокос, то жатва. Да и труд деревенский — в городе колхозник это поймет сразу — более здоровый, более интересный и, я бы сказал, более творческий, поскольку он разнообразный.

— Ну...— возразил я.— Скажите-ка это рабочему — он будет спорить: твори, мол, сколько влезет и на заводе. Похвалят да еще и премию дадут!

— Да, это так. Но рабочий все же у станка. А крестьянин — в поле. Станок — он всегда станок, серый, гудящий. А поле каждый день выглядит по-новому. Особенно весной. Вчера оно пластами дымилось, а сегодня зеленеет проклюнувшимися всходами. Вчера луг только-только зеленеть начинал, а сегодня весь в цветах. Все это радует человека, наполняет душу здоровым ощущением жизни: он ведь и сам частица природы... И вот когда ему, ушедшему из деревни во времена, всем нам памятные, и не очень-то устроившему свою жизнь в городе, вдруг становится известно, что в «Родине» можно неплохо заработать, да еще и квартиру получить, он, не задумываясь, приходит к нам, да еще и просится: возьмите! А мы уже и не берем... Правда, прораба-строителя взяли бы... Уверены, что и такой человек к нам придет.

Я сказал, что это происходит, видимо, потому, что колхоз расположен недалеко от города, да притом еще и шоссейной дорогой связан с ним.

— Нет, не только поэтому,— ответил Михаил Григорьевич.— Ведь и раньше город стоял на том же месте,

и дорога была, а люди в колхоз не только не приходили, а и местные почти все убежали. Когда я пришел сюда, тут было всего сорок мужчин, да и те не о работе думали, а о том, где бы на чекушку добыть, чтобы опохмелиться...— И с уверенностью заключил:— Главное — в условиях жизни! Ну, и конечно, ближе к городу — не хуже.

Прошло три года после этого разговора. Многое из того, о чем М. Г. Лобытов только мечтал, стало явью. Рядом с пятью двухэтажными домами поднялись кирпичные здания столовой, бани, котельной. У клуба разбит парк, высажены деревья. Началось строительство многоквартирных домов и на втором участке, в Харычево.

Построен, наконец, и механизированный скотный двор, в котором в четыре ряда разместились двести коров, и все работы — доение, раздача кормов, уборка навоза — механизированы. С начала нового года доярки перейдут на двухсменную работу.

К новому двору, как, впрочем, и ко всем другим хозяйственным постройкам, проложены бетонированные подъездные пути.

Сейчас часто в «Родину» приезжают делегации из районов поучиться опыту жилищно-бытового и хозяйственного строительства. Едут и по предварительной договоренности, и стихийно. Побывали здесь и бригадиры, обучающиеся на трехмесячных и шестимесячных курсах в учхозе «Молочное». Вслед за ними нагрянули председатели колхозов — участники областного семинара, а потом и секретари райкомов с начальниками производственных управлений. И всем Михаил Григорьевич говорит одно:

— Смелее беритесь за строительство. Не беспокой-

тесь: хорошие квартиры пустовать не будут. Я, по крайней мере, такого случая не знаю. И это вполне понятно. Даже скворцы в первую очередь думают о скворечнях, а потом уж о песнях.

И вслед за этим он предупреждает, что с бухты-барахты начинать строительство и сселение нельзя. Нужно все обдумать, взвесить, а потом уж решить, куда сселяться, какие дома строить. Тут все будет зависеть от местных условий и возможностей. Надо не забывать, что в крупных хозяйственных центрах сосредоточатся не только люди, но и скот. Значит, необходимо подсчитать, хватит ли пастбищ. Если нет, то надо заложить культурные пастбища. Так именно поступили они. В Огарково, например, сформировалось три крупных стада. Одних коров только четыреста. Много травы надо, чтобы их прокормить. Естественных пастбищ, конечно, не хватит. И колхоз в прошлое лето заложил три культурных пастбища общей площадью около 400 гектаров, включив в них 60 гектаров пашни. Пастбища подкормили минеральными удобрениями, подсеяли травы, в том числе овсяницу луговую, семена которой завезли из Рязани.

— Надо учесть и расположение полей вокруг хозяйственного центра,— советует далее Михаил Григорьевич.— Возить навоз за десять километров, конечно, будет невыгодно. Мы эту проблему решаем так. Дальние поля клеверим, подкармливаем их минеральными удобрениями. Зато ближние поля хорошо заправляем навозом, торфо-навозными компостами с таким расчетом, чтобы с этих полей получать не по 6—7 центнеров с гектара — это средний урожай по области, а по 20 и более центнеров. Недавно я читал, что Польша планирует уже в среднем по стране собрать урожай 20 центнеров с гек-

тара. А что — разве наши земли хуже? Нисколько! Даже лучше.

Должен сообщить читателям, что в колхозе «Родина» я, что называется, свой человек. Приезжаю я сюда и на собрания, и просто так, чтобы подышать деревенским воздухом, захватив на всякий случай с собой записную книжку. Конечно же, не мог я не приехать сюда и на празднование Дня работников сельского хозяйства. Скажу сразу: по душе пришелся колхозникам этот праздник! И не потому, что для них это был еще один повод для отдыха, нет. Праздник этот они восприняли как дань уважения хлеборобам от всего народа, от всей страны. И приняли ее с гордостью, я бы сказал, с достоинством, как должное: давно, мол, следовало! Чать, не веревки вьем, хлеб растим! А хлеб — всему голова!

В клуб заявлялись в самолучших одеждах,— а теперь, слава богу, у каждого есть что надеть! — приветливо пожимали друг другу руки: «С праздником!» — «И вас тоже!»

Четыреста мест в клубе — и ни одного свободного. Уселись — плечо возле плеча, руки на коленях, цветастые платки на плечи откинуты. Залюбуешься! Сила-то какая! Вот бы во все колхозы такую... А в президиуме лучшие из лучших. На отворотах пиджаков, на кофточках — ордена да медали сверкают. У доярки Фелицаты Александровны Румянцевой даже орден Ленина. У самого председателя — Золотая звезда Героя Социалистического Труда.

Вот он вышел на трибуну. Праздник праздником, а о делах потолковать надо: поблагодарить людей за сделанное,— а сделано много, очень много!— рассказать, что предстоит сделать впереди. А уж тут не упомянуть доярок да льноводов никак нельзя.

— Хороший мы ленок вырастили в этом году! Давайте же и продадим его хорошо. А для этого надо любовно его отсортировать, не так, как это сделала новая наша колхозница Дьякова. Кое-как навязала снопиков, напутала: «У меня все готово!» А на завод свезли — номер-то вышел один двадцать пять... Тогда как все остальные ленок с этого поля сдают вторым номером. Вот тебе и «все готово!». И сама себя обидела, и колхозу недодала. Прошу вас запомнить, товарищи, что, если мы ленок наш сдадим не вторым номером, а только полуторным, уже недополучим восемьдесят четыре тысячи рублей!

Цифр он называет много, и все они у него в памяти. Без цифр председателю нельзя никак: не видно, как оно, дело-то, движется — вверх, вниз или по прямой.

Напоследок приберег самое приятное, праздничное.

— Товарищи! Правление колхоза и партком в связи с таким большим праздником решили отметить лучших людей нашего колхоза — присвоить им звание «Почетный колхозник». Кому именно? Рядовым колхозникам И. Д. Ворукину, А. И. Маничеву, А. Ф. Капралову, бригадиру Н. И. Никитину, доярке Ф. А. Румянцевой, трактористам Л. А. Кустову и А. И. Дугинову, льноводке А. А. Варталовой и старейшему колхознику А. Д. Седунову. Рассказывать об этих людях нет надобности: вы хорошо их знаете.— И зал подтвердил это согласным рукоплесканием.

А потом они, почетные колхозники, чьими трудами и заботами колхоз становился на ноги, первые из первых на своих участках работы, один за другим поднимались на сцену и под одобрительные хлопки всего зала принимали из рук председателя грамоты, свидетельствующие о столь радостном событии в их жизни.

Да, они, эти самоотверженные труженики и сотни других, сидящих в зале, сделали свой колхоз таким, каков он есть сегодня. Но скажи им об этом, они тут же добавят: «И наш председатель!»

На состоявшемся недавно отчетном собрании колхозной парторганизации пожилая колхозница Павла Аполлоновна Смирнова сказала:

— Знаю, что Михаил Григорьевич не любит, когда его хвалят: что, мол, вы меня одного... Все вместе работали. Верно, все вместе. И все-таки спасибо ему! Много руководителей мы перевидели. А толку что? Все под гору да под гору. Беда, как снежный ком, прибывала.

Прочитав эти слова, иные, наверное, скажут: что ж, мол, тогда времена другие были. Тогда, мол, будь хоть семи пядей во лбу, а все равно поднять колхоз не смог бы... Лобытов же пришел в колхоз в 1953 году, после сентябрьского Пленума. Большая разница!

Что верно, то верно. После памятного всем сентябрьского Пленума ЦК КПСС многие ошибки в руководстве колхозами были устранены. Многие... Но это не значит, что пришедшим тогда председателям все давалось легко. Инерция старого стиля руководства все еще давала себя знать.

Запомнилось Михаилу Григорьевичу, как уполномоченный с высоким мандатом «выколачивал» из него картошку. Вошел он в контору в сопровождении свиты местных работников, сел за председательский стол, положил перед собой тяжелые кулаки и, глядя исподлобья на Лобытова, проговорил:

— Когда ты будешь сдавать картошку?

А сам между тем знал, не мог не знать, что картошка в тот год не уродилась, потому что почти не было дождей: вырвешь гнездо, а там горсточка гороха... Об

этом и рассказал Михаил Григорьевич уполномоченному. Но едва он замолк, снова, как удары молота:

— Когда ты будешь сдавать картошку?

— Я же вам сказал: картошка не уродилась. Картошки нет. Коли не верите, можем пойти и посмотреть.

— Я спрашиваю: когда ты будешь сдавать картошку?— еще более грозно повторил уполномоченный.

Лобытова трудно вывести из равновесия. Но когда это случается, он собой уже не владеет. Так было и на сей раз. Невысокий, сухощавый и бледный как полотно, он вскочил со стула и, шагнув к столу, закричал:

— Вы что, глухой? Или русского языка не понимаете? Картошки не наросло! Слышите, не наросло!!! И я вам не мальчишка, чтоб со мной так разговаривать!

И что бы вы думали? Услышал... Переменил пластинку. Да и тон сбавил.

Нет, не легко еще было работать председателям колхозов в те годы, особенно если учесть, что очень бедны еще были колхозы-то, а люди — точнее, наиболее трудоспособная часть людей — из деревень ушли, а у тех, что остались, вера в успех дела была основательно поколеблена. Этим председателям, думается мне, было отнюдь не легче, чем тем, самым первым, избранным при организации колхозов. Немногие из них выстояли, но тем большая им хвала!

Я далек от мысли приписывать успехи колхоза «Родина» только одному М. Г. Лобытову, и все-таки в этих успехах огромная роль принадлежит ему. В колхозе, как и в семье, всему делу голова — хозяин. Без хозяина — дом сирота — это народом подмечено давно. Колхоза без председателя, как такового, не бывает. Но опыт (теперь уже немаленький) подсказывает, что

иметь штатную единицу во главе колхоза — это еще не значит иметь хозяина в колхозном доме.

Как-то по этому поводу довелось мне разговаривать с В. А. Грибановым. Он, немало лет проработавший в сельских райкомах и поэтому хорошо знающий суть председательской работы, сказал:

— Более трудной должности, чем должность председателя, я не знаю.

Между прочим, понимают это и сами колхозники и потому, наверное, все строже, все придирчивее относятся к каждой новой кандидатуре на этот пост. На одном колхозном собрании, которое решало — быть или не быть председателем некоему Николаю Алексеевичу, из зала вдруг донеслось:

— Николай Алексеевич!— говорила пожилая колхозница.— А не велик хомут-то надеваешь? Ведь если велик окажется, живо шею натрешь...

Колхозница очень образно и точно определила значение председательской должности. И в самом деле, коли хомут натрет шею, воз далеко не увезешь, тем более что дорога еще не такая уж ровная, а воз, как правило, большой и не очень хорошо уложенный.

М. Г. Лобытов свой воз везет. Везет уже много лет. И можно сказать, что ухабистую дорогу он уже миновал, под колесами его воза если не асфальт, то хорошая грейдерная дорога.

Желая понять «секрет» успехов Михаила Григорьевича, я как-то спросил его: что, мол, все-таки главное в работе председателя?

— Главное,— не задумываясь ответил он,— заслужить у народа доверие. Что пообещал — сделай. Стоит раз обмануть — и все твои призывы, все обещания потеряют силу...— Помолчал и в раздумье добавил:— И

еще надо иметь трезвую голову. У многих дело не пошло только из-за пьянства. А там, где пьянство,— там и кумовство: собутыльники руки потирают, а остальные бедуют и, конечно, злятся... я за все эти годы ни в одном доме рюмки не выпил. Это знают все.

Для меня, признаюсь, все это не было открытием: мне и раньше доводилось убеждаться, что нового председателя народ принимает отнюдь не сразу, во всяком случае, не тотчас после голосования и его заверений «отдать все силы» на благо колхоза, чтобы оправдать оказанное ему доверие.

Да, подняв руки за нового председателя, люди доверие ему оказали. Но это еще совсем не то доверие, с которым можно «брать города». То, настоящее доверие просто так, «за красивые глазки», не выдается, оно оплачивается, что называется, пóтом и кровью, трудом, бескорыстием.

В. А. Грибанов по этому поводу сказал так:

— Если люди убедятся, что избранный ими председатель принялся за дело всерьез, что у него нет никаких других интересов, кроме интересов колхоза, что он не пропьет колхозных денег и не растранжирит — они сделают все!

В Лобытове колхозники видят именно такого председателя.

Есть у М. Г. Лобытова и еще ряд заповедей, обязательных, по его мнению, для руководителя хозяйства. Одна из них состоит в следующем. Руководитель современного крупного колхоза не должен все брать на себя. Если бы даже он все знал и все мог, он все равно всего сделать сам не в состоянии: слишком велико хозяйство. Поэтому он должен доверять каждому на своем участке работы, никого не подменять, ничью

инициативу не сковывать, особенно бригадиров и специалистов.

— Агрономы и зоотехники,— говорит Михаил Григорьевич,— это наши инженеры. Их расчеты и рекомендации, основанные на последних достижениях науки и практики, закон для всех, в том числе и для председателя. Руководитель колхоза должен прислушиваться к советам специалистов и создавать все необходимые условия для претворения их рекомендаций в жизнь.

Сам М. Г. Лобытов так и поступает — в этом я не раз убеждался на деле. И может быть, «секрет» успехов колхоза «Родина» как раз в том и состоит, что здесь, как в сложном агрегате, все валы и валики приводит в движение не одна рабочая шестеренка, а в равной мере — десять, двадцать, а может быть, и тридцать рабочих шестеренок.

Наблюдал я и еще одну особенность в стиле работы Михаила Григорьевича. В решении производственных проблем он из многих возможностей всегда стремится выбрать наиболее выгодную, хотя она, может быть, и противоречит установившейся традиции, ломает ее. Впрочем, выбор этот М. Г. Лобытов делает даже не сам, его делают люди — непосредственные участники производства, он же, считающий своей обязанностью прислушиваться к предложениям, идущим снизу, только узаконивает этот выбор.

На одном бригадном собрании женщины, работавшие в льноводческих звеньях, сильно расшумелись по поводу того, что они по сравнению со звеньевыми за свой труд получили значительно меньше.

— Подумаешь, звеньевые! Что они — больше нашего спины гнули? Пóту больше пролили?— кричали они, перебивая друг друга.

— Но ведь и без звеньевых нельзя,— пытался возразить Михаил Григорьевич.— Они все же отвечают...

— А мы разве не отвечаем? Лен-то в наших руках!

Трудно унять женщин, когда их что-нибудь волнует. И Михаил Григорьевич, уловив, к чему дело клонится, сказал:

— Ну, что же... Давайте тогда посоветуемся, как быть. Без звеньевых будем работать, что ли?

— Зачем без звеньевых...— ответила самая бойкая.— Пусть каждая себе звеньевой будет. Что сделала — то и получи.

— Правильно!— согласились женщины. И он понял, что это у них было решено уже давно.

После, послушав мнение льноводок других бригад, затем специалистов, Михаил Григорьевич пришел к выводу, что попробовать новый метод, пожалуй, можно, и вопрос этот вынес на обсуждение правления, а потом и общего собрания.

С тех пор лен в колхозе сеют механизаторы. Они же вместе с агрономами отвечают за качество сева. Одним словом, их забота — вырастить хороший лен. Когда же он поспевает, в свои права вступают льноводки. Каждой из них отмеривается на поле гектар или там полтора — ровно столько, сколько попросила она еще зимой, во время составления плана сева. С начала теребления льна и до того, как отсортированные снопики будут отвезены на завод и проданы (теперь все говорят проданы, а не сданы), заботятся обо льне целиком сами льноводки — каждая о «своем», со «своего» гектара. Бригадирам остается одно: приехать на поле и выдать зарплату. Никого подгонять не нужно: работают все на совесть. Каждая знает: чем выше будет номер ее ленка, тем больше она получит.

Шоферы тоже заинтересованы в высоких номерах доставляемой ими на льнозавод тресты, потому что они получают не с тонно-километра, а с тонно-номера. При такой оплате они, естественно, стараются увезти в первую очередь ленок, который получше.

И вот результат: каждый гектар льна (а колхоз сеял его тогда 315 гектаров) дал 1300 рублей дохода. Чтобы читателю стало понятно, много это или мало, скажу, что иные колхозы не получают и половины этой суммы.

Л. М. Белов — главный агроном колхоза, вернувшись только что с льнозавода, помню, рассказывал:

— Лучше нашего ленка нет ни у кого — без хвастовства! Вчера у Гали Смирновой, а сегодня у Шуры Лукичевой треста двойкой пошла! Галя целый день бегала за мной: «Покажите квитанцию!» Самой не верится... А поглядели бы вы, что из «Рассвета» привезли! Ноль пять им дали... Позор! Я бы с такой трестой и не поехал, и на люди не показался.

— Да, если сдавать лен таким номером, то и сеять его не стоит,— сказал Михаил Григорьевич.

Районные работники по поводу лобытовского метода выращивания льна особенно не шумят: дескать, старый, бабушкин метод дергать лен руками. Ведь есть же льнотеребилки!

Однако у М. Г. Лобытова на все эти скептические доводы есть свои, вполне обоснованные, на мой взгляд, возражения. Он считает, что для теребления льна совершенной машины еще не создано. Далее, лен, по мнению Михаила Григорьевича, культура особенная, она и при самой совершенной технике будет требовать человеческих рук, человеческого глаза. На стлище, например, перележит лен один день или день не долежит, и он уже многое потеряет в качестве. Поэтому человек ко льну

должен спешить не по наряду бригадира, а по велению озабоченного и заинтересованного сердца. И если колхоз добился этого — можно не беспокоиться: лен будет и разостлан вовремя, и вовремя поднят со стлищ. А насколько это важно, говорит пословица: «На стлище лен родится второй раз».

Важно еще и то, что при индивидуальной обработке льна в бригадах совершенно неожиданно прибавляется рабочей силы, потому что на свой гектар женщины-льноводки тянут всех, кого можно,— и школьников, и отпускников, и даже знакомых, не говоря уже о том, что сами они со временем не считаются.

— Еду однажды мимо «Родины»,— рассказывал мне секретарь райкома.— Темень. Дождь моросит. И вдруг вижу: в стороне от дороги с фонарем кто-то блуждает. Что за диво?! Подошел — и вдруг ахнул: мужчина в плаще лен расстилает!

— Что так поздно?

— Да вот... баба заставила,— смущаясь, ответил колхозник. А я подумал: был бы обезличен лен — его и сам председатель в такую погоду не вытолкал бы... А мы говорим: рук не хватает! Надо заинтересовать людей — руки найдутся.

В колхозе «Родина» пошли против традиции и в другом, весьма важном, а в недавнее время очень больном для крестьян вопросе — в заготовке сена для личного скота. Читатели знают: чего только не изобреталось колхозами в этом деле, а запасти сена для своих коров законным путем люди не могли. Колхозный сенокос они справляли, как правило, за 10, а кое-где за 15 процентов от заготовленного для колхоза сена. Но этих «процентов» хватало далеко не всем, особенно

одиноким женщинам, инвалидам и престарелым. Косить же «по себе» разрешалось обычно уже тогда, когда трава становилась жухлой, высохшей, пригодной разве только что на подстилку. И все равно косили. А сколько ее, травы-то, невыкошенной оставалось! А отсюда суды-пересуды, нескрываемое недовольство. Иные, чтобы не оставаться без корма, а значит, и без коровы, косили воровским путем, но правленцы, отыскав эти спрятанные в глухих уголках стожки (их в шутку называли «спутниками»), обобществляли их.

На мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС этому произволу был положен конец. В решении Пленума черным по белому было записано, что личный скот колхозников должен обеспечиваться кормами. Основываясь на указаниях Пленума, правление колхоза «Родина» вместе с парткомом решили выделить каждому хозяйству, в котором есть корова, по гектару сенокоса, а тем, у кого есть и овцы, добавить еще 0,25 гектара. Для этой цели использовать в первую очередь площади, на которые с косилками ни на тракторе, ни на лошади заехать нельзя: ложбины, балки, луга, заросшие кустарниками. Косить на личных участках разрешить в любое время, только не в рабочее, чтобы это не было в ущерб общественному сенокосу. За участие в общественном сенокосе платить деньгами, натурой же считать сено, заготовленное на личном участке. Тех, кто будет уклоняться от работы на колхозном лугу, личного участка лишать.

Обосновывая целесообразность такого шага, председатель говорил:

— Как мы ни запрещали косить для своих коров, люди все равно косили, кто где мог и когда мог. Они будут поступать так же и впредь, если мы оставим все

по-старому. И мы не сможем остановить всю эту стихию, особенно теперь, когда закон на ее стороне. Своими запрещениями мы только вызываем недовольство у людей, волей-неволей ставим их в унизительное положение, заставляем ловчить, изворачиваться. При выдаче сена «на проценты» многие стремятся прихватить лишнего, и прихватывают, потому что сено выдается на глазок, никем не взвешивается. Много его разбрасывается под видом овершья.

— И все-таки...— чесали затылки маловеры.— Как бы нам не оставить колхоз без сена! За проценты-то вон как люди бились. Посмотришь — все на лугу: и стар и мал.

— Не бойтесь,— спокойно отвечал председатель.— Люди поймут нас правильно. Да и вообще, если рассуждать так, то надо бояться и за хлеб: его, мол, тоже не уберут вовремя, поскольку «процентов» за уборку урожая не выдается. Однако хлеб, как известно, мы и выращиваем хорошо, и убираем вовремя.

Сейчас сенокос уже позади и можно с удовлетворением сказать, что опасения некоторых товарищей оказались напрасными. Колхоз не только не проиграл от новой «системы» заготовки кормов, а кое в чем даже и выиграл. Во-первых, оказались выкошенными даже те участки, которые не выкашивались уже много лет, и значит, общий баланс кормов увеличился, во-вторых, заросшие участки в значительной степени оказались расчищенными от кустарников и, в-третьих, за счет личных сенокосов расширились площади для расстила льна — а тот, кто занимается льном, знает, насколько это важно.

Ну, а если учесть еще и моральный выигрыш, то станет совершенно ясно, что решение правления колхоза «Родина» было правильным и на этот раз.

Я рассказал о колхозе «Родина» и его председателе М. Г. Лобытове только наиболее важное, представляющее, на мой взгляд, интерес для других хозяйств с точки зрения опыта. Очень хочется, чтобы рассказ этот услышал и старый мой знакомый Коля К., и его отец, и учительница, пугавшая Колю перспективой остаться в колхозе. Конечно, их колхоз еще совсем не такой, но и он может стать вровень с «Родиной», и обязательно станет — для этого теперь созданы все условия — надо лишь, чтобы сами они сильно захотели этого и не бежали куда-то в поисках «рая земного», а строили его у себя дома. Впрочем, в «Родину», пожалуй, съездить можно, чтобы поучиться кой-чему, а заодно убедиться своими глазами, что я ничего к тому, что есть, не прибавил.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЕ ВЕРСТЫ 3
ЗЕМЛЯ 17
ЖИВОТНОВОДСТВО 27
ЖИЛЬЕ И ЛЮДИ 39
ГЛАВНОЕ: ЗАСЛУЖИТЬ ДОВЕРИЕ 72

Сергей Васильевич Викулов

ПЕРВЫЕ ВЕРСТЫ

Редактор О. А. Ермилина
Художник Ю. И. Батов
Художественный редактор А. А. Орехов
Технический редактор О. Ю. Цишевская
Корректор М. С. Никитина

ИБ № 2285
Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в набор 19.11.79 г. Подписано в печать 18.02.80 г. А02841. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 4,20. Уч.-изд. л. 3,89. Тираж 30.000 экз. Заказ № 499. Цена 15 к. Изд. инд. ХД-313.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.